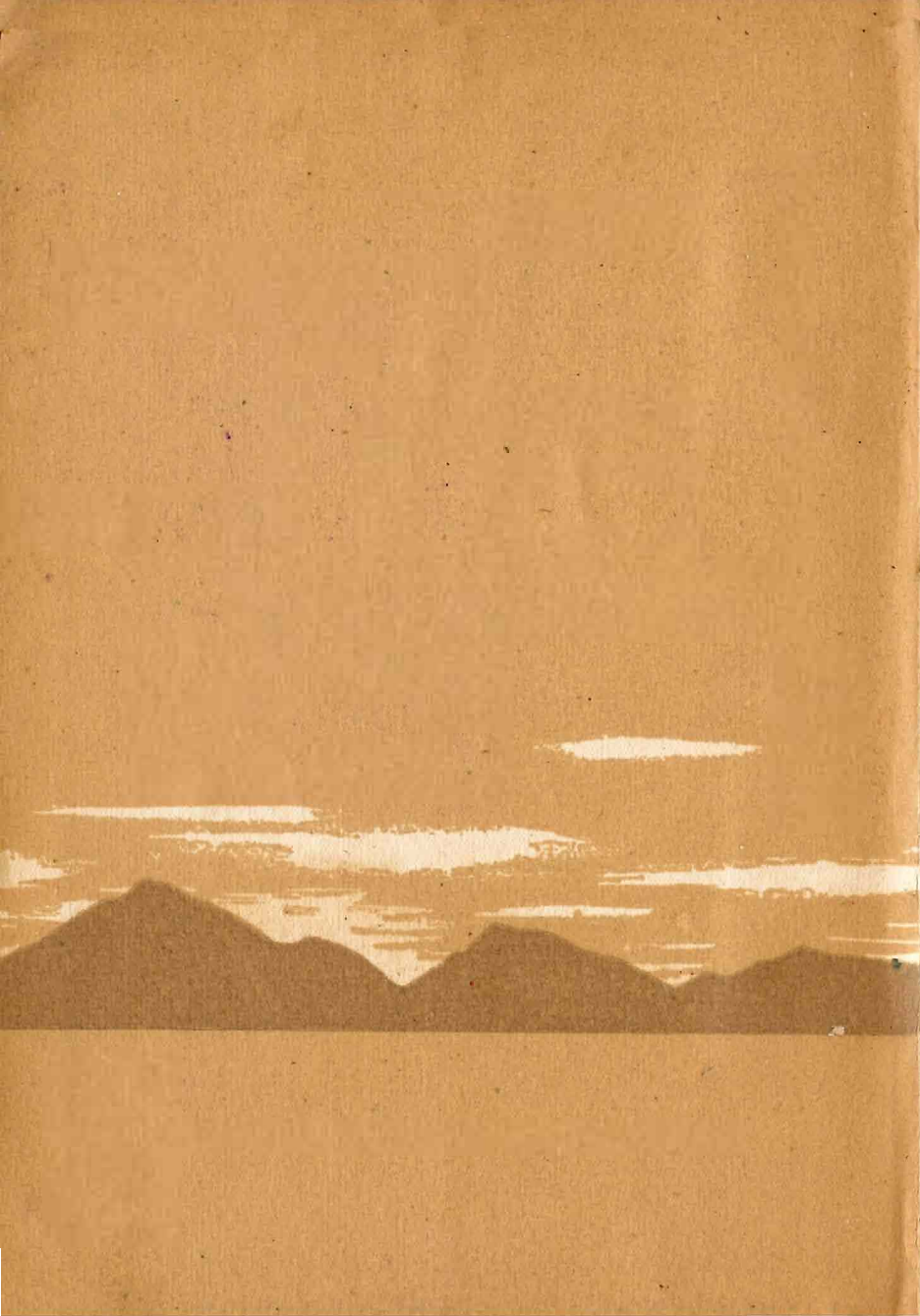

А. КОНТЕЛОВ

Ворах Алтая

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1937

www.dmitriyzhitenyov.com

А. КОПТЕЛОВ

В юрах Алтая

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1937**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Величественен и суров советский Алтай — страна высоких гор и таежных лесов, стремительных рек, бурных водопадов и величавых зеркальных озер.

Над всем этим царит малодоступная красавица гора Белуха, уходящая высоко в поднебесье шпилями своих белоснежных вершин. Легендами алтайского народа — ойротов, алтайцев, теленгетов — овеяна эта «священная гора».

Мистический страх перед «священной горой», внушаемый этим народам шаманами (колдунами) и зайсангами (местными князьками), столетия охранял Белуху и окружающие ее горные хребты от вторжения человека. Но еще крепче охраняли и охраняют неприступность Белухи высокие горные хребты, недоступные ледяные скалы и глубокие пропасти-трещины, изрезавшие ледяные и снежные поля на подступах к вершине Белухи.

Шесть огромных ледников площадью от 3 до 16,5 квадратных километров сползают со склонов Белухи. Красавица Катунь, молочно-белый Аргут и еще много рек берут начало у этих ледяных полей.

Весной, когда горячие лучи солнца делают прочный снеговой покров рыхлым как вата, когда льды становятся прозрачно-голубыми, бурные потоки воды устремляются с гор в ущелья и долины. Тогда вскипают белой пеной и стремительно с ревом несутся вниз воды рек Катунь, Курагана, Аргута, Хазинихи, Осиновки, пробивая в скалах новые пути, открывая человеческому взору земные пласты с их богатствами — залежами марганца, золота, розового мрамора, железных руд.

В глубоких впадинах между горными хребтами, на высоте в тысячи метров над уровнем моря, могучие

кедры и стройные сосны смотрятся в зеркальную гладь горных озер.

Много приятных неожиданностей и суровых испытаний ожидают любознательного туриста на Алтае, огромное напряжение воли нужно для альпиниста, отважившегося подняться на вершину горы Белухи.

Но не только дикая красота природы поражает человека на Алтае. Тут и там в долинах алтайских гор раскинуты поселки ойротов, алтайцев, теленгетов. Наблюдая жизнь этих народов и расцвет их культуры, можно реально видеть и ощущать все величие ленинско-сталинской национальной политики нашей коммунистической партии.

Там, где столетиями безраздельно и бесконтрольно властвовал исправник, где купцы и монахи с «высочайшего соизволения» безудержно грабили и спаивали забитых и угнетенных «инородцев», теперь пышным цветом расцветает своя культура — национальная по форме, социалистическая по содержанию. Советская Ойротия вместе со всеми народами нашей родины вооружается передовой техникой, идет к вершинам культуры, освобождаясь от варварских обычаев и обрядов.

Обо всем этом наш читатель прочтет в предлагаемой книге — «В горах Алтая».

Автор этой книги А. Коптелов, неоднократно бывавший на Алтае, в июне—июле 1935 года был участником первой массовой альпиниады, предпринявшей восхождение на вершину горы Белухи. До 1914 года на вершине Белухи побывали только 2 человека — братья Троновы. В июле 1935 года на восточную вершину поднялись 43 участника альпиниады, а в 1936 году советские альпинисты побывали и на западной вершине Белухи, где до них еще не ступала нога человека.

На Алтае еще очень много безымянных и неисследованных горных хребтов и вершин, много диких уголков, где еще не был человек. Вот почему книга А. Коптелова, написанная живым языком, должна представлять интерес для молодых советских исследователей — туристов, альпинистов, геологов — и всей нашей молодежи, стремящейся познать свою великую родину.

КАТУН-БАШ

На юге Сибири возвышаются золотистые увалы полей. Каменные кабаны, уткнув морды в алтайский чернозем, подходят к полям. Высокие хребты, покрытые густой щетиной хвойного леса, тянутся далеко на юго-восток. Там каменные великаны в снежных плащах сторожат истоки рек. Они смотрят на рождение величайшей сибирской реки Оби. Над их острыми головами сверкает ледяной трезубец Белухи — высочайшей горы Алтая.

В 1927 году я впервые ехал к подножью этой горы, окутанной туманом легенд. Проселочная дорога была грязной, камни сменялись ухабами, полными дождевой воды. Слева, с крутой горы, спускался густой бор. Угрюмые сосны прижали дорогу к берегу реки. По ту сторону зеленели лужайки — хорошее место для ночлега, но через бурную и глубокую реку нельзя было переправиться.

Вдруг мне показалось, что за рекой глухо ухнул филин. Что-то рановато он вылетел. Солнце еще лежало на острых шпилях западных гор. Потом послышался раскатистый хохот и дикий рев. Я понял, что где-то за рекой шаман выкрикивает свои славословия грозным духам гор и бьет в бубен, раскрашенный под цвет крови. Большеротое эхо торопливо вторит ему. Видимо, в одинокой юрте, которая стоит на том берегу реки, стонет больной алтаец. Возле его постели кружится шаман, пожилой человек в длинной и широкой шубе, увешанной колокольчиками и разноцветными ленточками.

Возле юрты, на березовой жерди, висит шкура лошади, которую, по указанию шамана, разодрали живьем

в жертву злому богу Эрлику, и знаменитый маг, умеющий разговаривать с богами и духами гор, показывает алтайцам на восток, где над громадой багровых вершин ползут окрашенные заревом заката кровавые облака.

— Жертва принята. Видите? Там Эрлик пьет кровь жертвенного коня, — говорит он.

А может быть он принес жертву самому сильному из горных духов Алтая и теперь выкрикивает:

О, стальная гора, которую не может обойти солнце!

О, золотая гора, которую не может обойти месяц!

Вино — тебе для питья,

Белая кобылица — тебе в жертву.

Деды и отцы наши тебе поклонись,

От солнца нестораемый бурый камень,

От месяца нестораемый золотой камень!

Дай здоровье скоту нашему,

Дай покой хозяину юрты,

Семье его дай долгие дни,

Грозная Катун-Баш с сильным ветром!

Катун-Баш — голова реки Катуня. Так алтайцы называют Белуху. Она самая священная гора на Алтае. Во время камлания доброму богу Ульгеню шаман пел о том, как он по склонам этой горы поднимается на седьмое небо. После приношения кровавой жертвы злому Эрлику, после словословий и упрашиваний коварного и мстительного бога, он сообщал окружающим, что открывает золотые ворота горы, через которые лежит путь в страшное подземелье.

На всех перевалах через хребты Алтая возле самых троп лежат груды камней, а на них — ленточки и ветки деревьев. Все это алтайцы привезли из долин и сложили в подарок горному духу. Если его не задобрить, он не разрешит спуститься вниз, столкнет коня с обрыва или спустит сверху камень — словом, причинит путнику зло. Духа Катун-Баш не задобрить камнем. Ему нужен богатый подарок. Одна из шаманских заповедей запрещала алтайцу подходить к подножью священной горы.

— Если собираешься к Катун-Баш идти, нужно девять молодых кобылиц в жертву духу принести, девять баранов зарезать, — напоминали шаманы. — Жертву не принесешь — живым не вернешься.

Слушая звон шаманского бубна, я вспомнил слова

Народы Ойротии. Девочка-ойротка.

проф. В. Саложникова. В 1900 году он писал о проводниках-алтайцах:

«Многие калмыки-охотники¹ великолепно знают горные тропы до снежных перевалов включительно, но у основания заповедных гор... их миссия заканчивается».

Они боятся подниматься на гору.

Не только алтайцы-шаманы считали Белуху священной. Бурханисты, отказавшиеся от кровавого жертвоприношения, также трепетали перед грозной Катун-Баш, но «угощали» сердитого духа горы не мясом, а молоком и чаем. Они даже верили в то, что между обвалом гор и приходом их мессии имеется прямая связь. Еще недавно на Алтае большой популярностью пользовалась легенда о хане Ойрате, который, умирая, сказал, что он вернется тогда, «когда упадут все три спицы снежных вершин Катун-Баш». Этой легендой не раз пользовались ламы, инсценировавшие приход хана Ойрата.

В 1900 году одна из снежных спиц Катунского хребта под влиянием атмосферы изменила свой контур, и этим воспользовался один нищенствующий монголлама. Он выдал себя за Ойрата, но не привлек к себе много приверженцев, так как упала только одна вершина Катун.

Среди алтайцев сохранилось предание, будто в 1904 году упала вторая спица вершины Катун и незначительно изменился контур третьей. Падение вершин Белухи — явная выдумка. Все ее вершины стоят и поныне. В действительности же произошел обвал снежных навесов и карнизов.

Бурханизм — крупное религиозное движение на Алтае, оформившееся в 1904 году, когда алтаец Чет Челпанов назвал себя пророком, посланцем хана Ойрата.

Проповедники бурханизма прекрасно знали, с каким трепетом алтайцы относятся к этой горе, и были твердо уверены, что никто из них не пойдет проверять степень изменения снежных вершин.

Однако нашлись смельчаки, которые побывали у подножья Белухи; но и они подтвердили, что вершины горы действительно изменились.

---

¹ До революции алтайцев ошибочно называли калмыками.

Со всех сторон к Чету Челпанову стали съезжаться кочевники слушать его проповеди и молиться новому богу. Возвращаясь с молебствий, они разносили по Алтаю слова проповедника:

— Белая северная гора нам больше не владыка.

В село Усть-Кан приехал бийский исправник Тукмачев с епископом Макарием. Они собрали из соседних русских селений 1 200 крестьян, вооруженных охотничьими ружьями. В два часа ночи ударили в набат. Крестьяне выстроились на площади. Макарий отслужил молебен. Он говорил о «любви к ближнему», а потом благословил отряд.

Когда Тукмачев привел вооруженных крестьян в долину Теренг, три тысячи кочевников стояли на коленах. Они молились. Взоры их были устремлены на хребты, за которыми стояла седая Катун-Баши.

С благословения «преосвященного» начались грабежи кочевников. Многие из них падали на землю, умоляюще протянув руки в сторону грозной горы: оттуда они ждали своего мессию, который должен был покарать русских.

С меньшим благоговением относились к Белухе казахи. Один из кочевников в верховьях Черной Берели говорил проф. В. Сапожникову:

— Нам и смотреть близко на нее нельзя.

В течение ста лет ученые посещали подножие этой величественной горы.

В 1829 году доктор Бунге, работавший на Колывано-Воскресенских заводах, пробрался в верховья Катун. Но до самого подножья горы он доехать не мог, ледника не видел, и даже Катунский хребет «несправедливо признал за цепь гор, называемую Холзун».

Через четыре года по его следам пошел другой врач тех же заводов — Ф. В. Геблер. Он увидел две острые вершины, покрытые вечным снегом, и широкий ледяной поток, спускавшийся в долину. Геблер первый из ученых увидел рождение Катун. Он был у ледяных гротов, из которых вырываются потоки грязномолочной воды. Он даже взобрал на нижнее поле ледника и отметил, что «зернистый снег, без сомнения, совершенно подобен тому, который в Швейцарии лежит выше линии снега и известен там под именем фирна».

Позднее этот ледяной поток был назван именем Геблера.

Пионер исследования Алтая при определении высоты горы допустил большую ошибку. Он писал, что вершина Белухи — 11 тысяч футов (около 3 353 метров) над уровнем моря. О высшей точке Белухи он также ошибочно записал:

«Восточный пик ее, кажется, несколько ниже и шире западного».

У него не было и мысли о восхождении на вершину горы.

«Один предприимчивый охотник, — писал Геблер, — хотел было однажды взойти на Белуху от Катунского ледника, но крутизна горы и особенно широкие трещины в оледенелом снегу воспрепятствовали ему это исполнить, так что гора сия еще надолго останется недоступною. И действительно, чрезмерное отдаление от всех необходимых к тому пособий, недостаток в проводниках, суровый климат, крутизна пиков, облака и туман, покрывающие их в течение большей части года, могут устрасить и самого отважного путешественника, представляя ему непреодолимые препятствия».

После Геблера более сорока лет никто из исследователей к Белухе не подходил.

И только в 1880 году Н. М. Ядринцев прошел по нижнему ледниковому полю до первых ледопадов. Он повторил ошибку Геблера, признав восточный пик ниже западного. Ошибка эта порождена тем, что восточная вершина расположена несколько севернее западной.

До 1895 года все считали, что на Белухе только два ледника. В том году к южному подножию горы подошел проф. В. Сапожников. Ранее он ходил по ледникам Швейцарии и, следовательно, имел некоторый альпинистский опыт. Здесь он сразу же твердо решил взобраться на снежное седло, но сложный лабиринт трещин на восточном потоке ледника и ледяные скалы остановили настойчивого исследователя и вынудили возвратиться с высоты 2 860 метров. В 1897 году он также был принужден вернуться с высоты 3 тысяч метров над уровнем моря. Профессор подходил к Белухе со всех сторон. Он открыл на ее склонах четыре больших ледника, девять ледников второго разряда и мно-

жество висячих ледников. На Ак-Кемском леднике он увидел грандиозный обрыв, на Берельском леднике и ледниках Мен-Су и Мушту-Айры почти отвесные скалы преградили ему путь к седлу и вершинам. В 1898 году Саложников снова прибыл к леднику Геблера, как более удобному для восхождения, и 19 июля поднялся на седло. Его сопровождал студент Томского университета и три ямщика из Катанды, которые несли наверх теплые вещи и дрова для костра. В 1911 году он решил повторить восхождение, но льды снова закрыли перед исследователем путь на седло.

В 1913 году тем же путем пытались взойти на Белуху братья Троновы, но были принуждены отступить от подножья Раздельного гребня. На следующее лето они сделали еще две неудачные попытки. Лишь в четвертый раз они в сопровождении двух проводников достигли седла и оттуда вдвоем поднялись на восточную вершину.

«Сильный ветер со снежной крупой при $-4\frac{1}{2}^{\circ}\text{C}$ заставлял нас очень торопиться, — писали они, — за пятнадцать минут пребывания на вершине мы не могли оставить никакого очень заметного знака. Пришлось ограничиться жестянкой с запиской, которую положили под камень на обращенной к седлу стороне верхней террасы. Сверху сложили небольшую кучу камней».

Таким образом, до революции на седло Белухи восходило только девять человек и на вершину два человека.

В 1925—1926 годах несколько групп туристов пытались взойти на гору, но первые же ледопады испугали их.

В те годы геолог Падуров намеревался взойти на восточную вершину с севера. Путь был намечен по гребню Делонэ. Но и эта попытка не удалась.

В 1931 году две экспедиции — проф. Тронова и альпиниста Россельса, — поднимавшиеся по леднику Геблера, вернулись с высоты 3 тысяч метров. Тронову помешала непогода, а группа Россельса не могла пройти через ледопады.

В 1933 году участники экспедиции второго международного полярного года поднялись по леднику Геблера на ребро восточного пика до высоты 4 400 метров. Они

не имели с собой спальных мешков, а время было позднее, и потому им пришлось отступить.

10 августа 1933 года девять альпинистов под руководством заслуженного мастера В. Аболакова начали восхождение на восточную вершину с севера по гребню Делонэ и 15 августа спустились на юг по леднику Геблера.

Попыток взойти на Белуху было очень много, успешных восхождений — мало. За сто лет на седло Белухи взойшло только семнадцать, а на восточную вершину — одиннадцать человек.

* * *

Издали я видел северные ледяные стены Белухи, и, откровенно говоря, мало верил в успех московской экспедиции, которую спешил догнать. Мне хотелось побродить по хребту, покрытому вечным снегом, посмотреть на голубые высокогорные озера, которыми восхищались все исследователи этой прекрасной горной страны и полюбоваться красавицей Белухой вблизи. Конечно я хотел идти с москвичами до седла, но опасался, что льды преградят нам путь.

Дня через три я догнал экспедицию в селе Нижний Уймон. Я приехал в сумерки. На следующее утро был назначен выход в дальнейший путь. Я обошел несколько домов в поисках коня. Старик, у которого мне удалось нанять карую кобылицу, сказал с усмешкой:

— Поглядите на Белуху и то ладно. А на седловину вам, паря, не подняться. Оттолк воздухом людей сбрасывает.

На следующее утро мы выехали из села. Все верхом. Продукты и палатки — на вьючных лошадях. Впереди ехал высокий теленгет с длинным носом, бронзовыми щеками и маленькими, темными, как кедровые орехи, хитрыми глазами. Ему были известны все тропы многочисленных алтайских хребтов. В селе его звали Николай Ефимович Козлов, но туристам он говорил, что его зовут Амыр-Сана, и при этом добавлял:

— По-русски мое имя будет — Спокойная Мысль.

Москвичи знали, что теленгеты — хорошие горолазы, а Амыр-Сана несколько раз был в районе Белухи. Проводником решили взять его.

Народы Ойротии. Алтаец-музыкант.

— Ты хорошо знаешь путь на седло Белухи? — спрашивали теленгета на остановках.

— Я все тропы знаю! — гордо отвечал Амыр-Сана.

В первый вечер у костра кто-то свистнул. Амыр-Сана вскочил и сердито крикнул:

— Не свисти, а то завтра сам себя ругать будешь!

— Почему?

— Горного духа, хозяина здешних мест, рассердишь, он и не выпустит нас отсюда — туманом все закроет.

Проводник выпил девятый стакан крепкого чаю, выколотил самодельную трубку о носок сапога и достал из-за голенища длинный кожаный кисет.

— Неужели ты, Николай Ефимович, в такую чертовщину веришь? — спросили мы его.

Амыр-Сана вынул трубку изо рта, на минуту задумался, а потом заговорил, улыбаясь так, что нельзя было понять, серьезно он говорит или шутит:

— Верю. Должен же я во что-нибудь верить. Без этого нельзя.

На шестой день, едва мы ступили на «язык» ледника Геблера, как Амыр-Сана, тащившийся позади всех в длиннополом, широком тулупе, сел на черный камень лицом к долине. Его звали итти вперед, но он заявил, что у него заболело сердце, сам же настороженно оглядывался на седло Белухи, откуда ползла на ледник снежная туча.

— Что ж, ты, Николай Ефимович, значит, в горного духа всерьез веришь?

— Здесь про него нельзя говорить, — тихо произнес Амыр-Сана.

Мы пошли дальше. Амыр-Сана посидел еще немного и осторожно стал спускаться с ледника.

У подножья Раздельного гребня, где каменный нож распластал ледник на две половины, нас накрыла туча. В воздухе кружились редкие снежинки. Москвичи покачали головами и поспешно двинулись назад, к лагерю в долине. Суровая Белуха произвела на них угнетающее впечатление.

Ночью в долине выпал снег. Утром гора была в облаках.

Туристы упаковывали заграничные «кошки» и ледорубы.

Таких туристов, которые намеревались взойти на седло или на вершину и отступали, заметив первую снежную тучу над ледопадом, Белуха видела сотни, таких проводников, как Амыр-Сана, — тоже немало. До 1935 года на Белуху не ступала нога алтайца.

23 июля 1935 года мы проезжали через степь Сабанка, между реками Коксу и Аргут. Возле тропы колхозники-казахи косили сено. Их было человек десять. Начальник пограничной заставы, участник альпиниады, со многими был давно знаком и пользовался среди них большим уважением. Он пожал колхозникам руки и сказал, что возвращается с Белухи.

— На Белуху смотреть ездил? — спросил Кайса, черная голова которого была по-женски повязана белым платком.

— Нет, я поднимался на самую вершину.

Казахи усмехнулись. Кайса уверенно сказал:

— Еще не родился такой человек, который мог бы зайти на Белуху.

— Запли, — уверял пограничник.

— Ну, нога короткой, — насмешливо бросил Кайса. Раздался сочувствующий смех казахов.

Так они и не поверили нам, что летом 1935 года было совершено первое массовое восхождение на Белуху.

Это был интересный, незабываемый поход: восемьдесят четыре человека... Впрочем, расскажем все по порядку.

ДОРОГА БОГАТЫРЯ

18 июня.

Был ясный день. По улицам Новосибирска пронеслись тучи пыли и песка.

Пять грузовиков остановились у редакции «Советской Сибири». Из запыленных кузовов выскакивали люди в тяжелых ботинках, окованных дюймовыми стальными шипами, в темнозеленых брезентовых штормовках и теплых шлемах. У всех за плечами были большие рюкзаки, а поверх их спальные мешки. В руках — по новенькому ледорубу, похожему на кайло.

Начальник штаба альпиниады Скляр, высокий человек с голубыми авиационными петлицами, подал команду:

— Становись!

Три взвода выстроились под зелеными шапками топей.

Широким и твердым шагом к колонне подошел начальник альпиниады Иван Иванович Долгих. Многие из нас впервые так близко видели этого высокого круглощекого человека. На его темносиней рубашке — орден Красного знамени.

— Краевые руководящие организации, — начал командир, — поручили мне передать привет всем участникам похода. Главное, товарищи, — дисциплина. Она должна быть стальной, только при этом условии мы сможем выполнить данные нам задания.

В нашей колонне — люди со всех концов Сибири. В первом и втором взводах — двадцать два командира Красной армии, десять шахтеров, шесть осоавиахимовцев, несколько чекистов, шоферов и трактористов. В

третьем взводе — научные работники: врачи, геологи, картографы, ботаник, метеоролог.

Уже после первого марша по городу в полном альпинистском снаряжении участники альпиниады поняли, что перед ними не простая прогулка, а трудный поход.

19 июня.

В час дня поезд подошел к небольшому каменному домику с вывеской: «Станция Бийск». Теплый мелкий дождик пролился на город. Мокрые знамена легли на плечи встречающих.

Митинг, оркестр, приветственные возгласы. Мы чувствовали себя неловко. Ведь мы еще ничего не сделали, а только собрались подняться на высочайшую гору Алтая, и вдруг такие почести! Собраться в поход на Белуху — в этом, право, нет ничего героического. В чем же причины такого, действительно, народного интереса к альпинизму? Ведь еще шесть-семь лет тому назад в том же Бийске людей, отправляющихся в снежные горы, называли лентяями, лоботрясами и посмеивались над ними:

— Что тебе там нужно? Отпуск получил и в горы лезешь. Какой в этом интерес? Ну, снег и снег... Ездил бы лучше на пикники...

В Бийске нас задержали на целые сутки. Вечером на всех предприятиях будущие альпинисты выступали с докладами.

* *

Светлосерое шоссе уходит в голубую даль. Въезжаем на территорию Ойротской автономной области. Пять машин летят к ее столице—Ойрот-Туре. Весной 1932 года этот путь по старой колесной дороге отнял у меня почти три дня. Сейчас мы проделали его за три часа.

Алтай встретил нас хмуρο. Холмистые предгорья, зеленые поля тонули в бесконечных серых облаках. Скалистый Бобырган, сторожевой алтайских твердынь, поставивший каменные лапы на край полей, закутался в тучи.

Мы остановились у моста через первую горную речку

возле села Майма-Чергачак. Колхозники и колхозницы окружили наши машины. К нам полетели букеты полевых цветов. Оркестр играл туш.

Зрелище было волнующим. Случалось ли здесь раньше, чтобы пожилые деревенские женщины и бородатые крестьяне собирали на лугу белые ромашки, желтые лилии, голубые колокольчики, чтобы выйти с букетами за околицу встречать каких-то незнакомых горожан?

Когда-то «покоренные инородцы» выходили навстречу начальнику Алтайского горного округа и падали перед ним ниц, боясь как бы не разгневался царский приказчик да не увеличил подати и поборы. Здесь не раз забитые нуждой крестьяне с иконами в руках встречали Макария, епископа бийского, а потом архиепископа томского, который в 1904 году благословлял русских кулаков на избиение алтайцев, а в 1905 году — томских черносотенцев на избиение рабочих.

После митинга машины двинулись в столицу молодой национальной области — Ойрот-Туру, расположенную в десяти километрах.

В XIX веке миссионеры основали здесь деревню, которую называли «святым местом» (Улала). В начале шестидесятых годов прошлого века в семи километрах от Улалы в лучшей долине реки Маймы был построен женский монастырь.

В долине жили алтайцы. Несмотря на это, монастырское начальство заставило сельское общество «добровольно» уступить монастырю «пустопорожнюю» землю. Затем последовало «высочайшее соизволение», узаконившее этот захват. Так осиное гнездо монахинь получило семь тысяч десятин земли. Алтайцы же были вытеснены в каменистые ущелья и вынуждены арендовать землю у монастыря. О взаимоотношениях монастырей с алтайцами красноречиво говорят деяния «святых отцов» из Чулышманской обители. За право поставить юрту на монастырской земле алтаец платил 1 рубль в год, за право посеять ячмень — 1 рубль с пуда высеянных семян, за право рубить дрова — 1 рубль в год, за пастьбу скота — 20 копеек с головы, за копну накошенного на монастырских лугах сена — 10 копеек. Кроме этого, алтаец был обязан отдавать монастырю в виде побора 10 процентов собранного урожая.

В Улале жил зайсанг — родовой старшина, князек, занимавшийся и торговлей. Сюда часто наезжали из Бийска русские купцы. Это было село попов и торговцев.

Купцы, как правило, отпускали товар только в долг. Цену на все товары они устанавливали в пять-шесть раз выше, чем на Ирбитской ярмарке. Порох, например, продавался по 3 рубля за фунт. За шкурку белки охотнику платили 3 копейки при цене белки в 15 и 20 копеек. За пудовку кедрового ореха платили 50—60 копеек при цене ореха в 2 рубля 40 копеек. Если охотник почему-либо не мог сдать обещанного количества беличьих шкурок, под которые ему был дан товар, он должен был уплатить по 17 копеек за каждую несданную шкурку. За трехкопеечное зеркальце торговец брал у кочевника овцу, а иногда и быка. Сохранилось свидетельство о том, что у одного алтайца торговец в течение нескольких лет за 28 копеек долга взял 81 быка. Не зря в Алтае сложилась песня:

Я скажу вам так, друзья мои:
Кто пройдет всю землю до конца?
Кто увидит ноги у змеи?
Кто отыщет честного купца?

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы Ойротии от непосильного гнета. 1 июня 1922 года был издан декрет о создании Ойротской автономной области, и с этого времени начинается быстрый расцвет Ойротии.

В долинах Ойротии поднята вековая целина. Посевная площадь, по сравнению с довоенным временем, возросла в три с половиной раза. Там, где еще недавно ковыряли землю мотыгой, гудят сталинские тракторы. Алтайцы овладевают сложными сельскохозяйственными машинами.

На горных пастбищах — тысячные табуны лошадей, стада коров и яков, отары овец и коз.

Отряды смелых разведчиков раскрывают недра Алтая. Во многих долинах открыты новые золотые прииски. Найдена ртуть, марганец. Начинается разработка алтайского мрамора, который украсит лучшие здания столицы.

Достижения советской Ойротии — торжество ленин-

ско-сталинской национальной политики, которая обеспечивает расцвет хозяйства и культуры всех народов нашей великой родины.

На Алтае было только шесть процентов грамотного населения. Сейчас восемьдесят три процента населения — грамотные. В Ойрот-Туре открыто несколько техникумов. Работает своя широковещательная радиостанция. Создается свой драматический театр. Выходит восемь газет. На алтайском языке изданы поэмы, очерки, рассказы, пьесы молодых советских писателей Ойротии. Переведены и изданы на алтайском языке избранные произведения М. Горького, В. Короленко, М. Шолохова, А. Фадеева и других русских писателей.

Ойроттуринцы встретили участников альпиниады на площади. Коротенький митинг, а потом снова — в путь.

Снова — в путь по тому же прекрасному Чуйскому тракту. Я десятый раз еду по нему. Я видел старый купеческий тракт и рождение тракта советского.

До революции коренное алтайское население не знало ни телег, ни саней. В алтайском лексиконе не было слова «колесо». По вьющимся между хребтами узким тропам с трудом продвигались вьючные лошади. Тридцать два года назад Чуйский тракт был также вьючной тропой. На Чуе, мимо отвесных скал, ямщики протаскивали вьюки на себе. В 1902—1903 годах, по распоряжению томского губернатора, барнаульский исправник Лучшев и подрядчик Смирнов «проложили Чуйскую колесную дорогу». Об этом были написаны хвалебные статьи и хвастливые отчеты. Исправник с подрядчиком поделили между собой деньги, а дорога осталась по существу такой же тропой. По ней с трудом проезжали на маленьких двухколесных таратайках. На крутых косогорах ямщики подпирали таратайки плечами, чтобы не свалился груз. На Семинском перевале в топком болоте распрягали лошадей и таскали на себе тюки шерсти и ящики чая. С чуйских скал лошади нередко сваливались в реку. На берегах Бии и Катуня вырастали длинные хвосты из таратаек. Ямщики простаивали в очередях у шести паромных переправ по несколько суток. От Бийска до Кош-Агача — до границы Монголии — ехали на таратайках восемнадцать-двадцать дней.

До Октябрьской социалистической революции в селе Улала не было ни одного культурного учреждения. Теперь на месте старой Улалы вырос город Ойрот-Тура, в котором есть драматический театр, кино, несколько клубов, ширококвещательная радиостанция, есть областной музей. Здесь устраиваются выставки картин алтайских художников. На снимке: уголок художественной выставки.

В 1925 году старый алтаец Чербак Онуков, хорошо говоривший по-русски, рассказывая мне о горных тропах, вспомнил легенду о Сартакпае:

— Ехал богатырь Сартакпай из Монголии. Сильный был человек. Доехал до Катуня, вздумал коня покормить. Расседлал, а привязать не за что — чистая долина. Он сходил в горы, принес камень, воткнул в землю и привязал к нему коня. Теперь стоит этот каменный столб. Вот поедешь к устью Чуи, увидишь. Человек на коне подъедет, так вершину столба рукой достанет, — вот какой камень богатырь принес. Покормил он коня и поехал дальше. Стал подъезжать к устью Чемала. А теперь, видишь, Катунь вот такой крюк делает. Каменный гребень перегородил ему дорогу. Об'езжать далеко. Слез богатырь с коня, уперся ногами в

серые плиты. Алтай стал колебаться, — лежащий камень рушился, стоящий лес ломался. На рассвете Сартакпай начал натягивать тетиву из жил трехсот маралов, железный лук заскрипел, сгибаясь; целый день тянул богатырь, а на солнцезакате пустил тяжелую стрелу, — и разорвала она гору. Богатырь проехал. А в горе посейчас дыра, там и тропа идет».

Старик выколотил о носок сапога трубку, снова набил ее листовым табаком, прикурил от костра и бросил задумчивый взгляд на говорливую Катунь. Потом повернул ко мне медно-красное лицо, покрытое густой сеткой морщин, и спросил:

— Тельдекпень знаешь? Пониже Эджигана на Катунь место такое есть. С берега на берег можно аркан перекинуть.

Я кивнул головой. Порог Тельдекпень — одно из самых узких мест на Катунь. Река летит по каменной трубе. С обеих сторон в нее впились черные зубья скал.

Говорят, что там алтайцы перекидывали через реку половину туши барана. Моста не было.

— Подъехал к тому месту Сартакпай, — продолжал Чербак, — ему надо было на другую сторону Катунь попасть. Конь под ним был хороший. Может и перескочил бы. Но позади богатыря ехал его сын с женой, — через Катунь в этом месте переезжать было страшно. Бродить через реку нельзя, — глубоко. А лодок у алтайцев, сам знаешь, не было. Вот и вздумал богатырь мост построить. Принес к берегу каменные глыбы. Сыну наказал, чтобы он в ту ночь с женой ложиться не смел, а сам пошел работать. Всю ночь тяжелые глыбы в реку кидал. К рассвету мост был готов. А сын богатыря не утерпел и под шубу к жене своей лег. Рассерженная Катунь ударила в мост и раскидала все камни. На полверсты вниз по реке из воды торчат они. В большом горе богатырь опустился на скалу, камень, как разогретый воск, смял...

Дела легендарного Сартакпая — вековая мечта народа.

Богатырь Сартакпай не проложил дорог и мостов через реки не мог перекинуть.

Но вот встал молодой богатырь. Богатырь — страна. Его не могли удовлетворить старые, грязные дороги и

тропы. Он рассек горы, через высокие хребты устроил удобные перевалы, ручьи и ключи отвел в сторону. посыпал землю гравием, по Катунь и Чуе взорвал отвесные скалы, проложил автомобильный тракт от Бийска длиной 622 километра. Он осуществил вековую мечту народа — через большие алтайские реки перекинул

Народы Ойротии. Теленгетка.

крепкие мосты. Сейчас древние таратайки уступили место автомашинам. По сверкающему белизною шоссе мчатся вереницы грузовиков. Нередки дни, когда по тракту проходят три сотни машин.

На первом мосту через Катунь висит лозунг: «Вперед к мировому Октябрю». Дороги и мосты Ойротии — это действительно путь вперед, к социализму, путь к культурной жизни. По этим дорогам в горы пришли тракторы. По этим дорогам привезены сенокосилки, конные грабли, жатки, плуги, сепараторы; дороги помогли заковать в бетон реку Чемал. В голубых долинах Алтая вспыхнули электролампы.

Я шестой раз еду по новому тракту и не могу им налюбоваться. Вот густой бор встал сплошными стенами по обе стороны прямой дороги. Вот гранитные «бараньи лбы» нависли над трактом. Слева — высокий каменный гребень, позолоченный вечерним солнцем, справа — веселая Катунь, а за ней — горы, одетые в пышную хвою. Посредине реки встали огромные каменные глыбы. Огромная сосна растет прямо из гранитной скалы. Когда смотришь на нее с мчащегося автомобиля, кажется, что дерево шагает по воде.

Темная ночь легла на горы. Наши машины въехали в село Шебалино. Возгласы, приветствия. По обе стороны дороги толпы людей, знамена.

Утром снова в путь.

На Семинский перевал тракт проложен среди густого хвойного леса. На сырых полянках пестреют цветы, осыпаются малиновые лепестки лесных пионов — самого крупного алтайского цветка. На перевале — деревянная арка с надписью: «Высота 2 200 метров над уровнем моря».

Кто бывал на алтайских горах, тот с первого взгляда на изломанные ветрами деревья на перевале и на приземистые кедрачи, которыми одеты сопки выше перевала, поймет, что строители тракта неправильно указали высоту.

Наши выверенные высотомеры на перевале показали всего лишь 1 850 метров над уровнем моря.

На востоке видна пологая каменная вершина Ял-Менку. На ее южном склоне недавно стоял снег. Сегодня только на одной этой вершине лежат облака.

Горы.

На южном склоне Семинского хребта много солнечных полей. Среди светлой зелени мелькают крупные желтые лилии, анютины глазки, незабудки и белый душистый левкой.

Справа шумит зеленоводный Урсул, что в переводе на русский язык означает «никогда не замерзающий». Против деревни Кураты в него вливается река Каракол. В широкой Каракольской долине несколько алтайских колхозов. В верховьях реки — старейший в области колхоз имени Папардэ. На месте кочевья теперь селение. Здесь просторная школа, детские ясли, баня.

Юрта—жилище теленгетов.

В прошлом алтайцы никогда не мылись и даже не умывались, боясь «смыть счастье».

Бывшие кочевники, в прошлом ковырявшие землю суком лиственницы и сеявшие один-два загона (и то далеко не все) ячменя, быстро научились культурному земледелию и не один раз оказывали помощь ближайшему русскому колхозу во время сева.

От колхоза имени Папардэ начинается горная тропа, которая ведет на юг через Терехтинский хребет в Уймонскую долину. Это наиболее короткий путь к Белухе.

За Онгудаем — аймачным центром — тракт вскоре отходит от Урсула и начинается подъем на второй и последний на тракте перевал Чике-Таманский. Большими петлями шоссе опоясаны крутые каменные склоны. Автомобили поднимаются по дороге, как по зигзагообразной лестнице.

С острого гребня перевала по обе стороны видны живописные долины и цепи гор. На юге, на каменных плечах горных великанов, лежат сугробы снега.

За перевалом справа от тракта — долина, покрытая

густым хвойным лесом. Дальше — голубеют Яломанские белки¹.

— По этой долине я шел в двадцать втором году, когда ликвидировал белобандита Кайгородова, — рассказывал Долгих о снежном походе. — А вон в том ущельи погибло два наших батальона. Бандиты устроили засаду за теми скалами. Отступать было некуда. Ущелье заперто, склоны гор крутые.

* * *

Дальше по тракту — места жестоких боев.

В 1917 году алтайские баи и зайсанги возмечтали о создании «могущественного» ханства кочевников. Главварем их стал художник Чорос-Гуркин. Они собрали в Бийске свой съезд и первым делом распорядились, чтобы из зала заседания была вынесена вся мебель. Назад, к средневековью звали баи. Появилось на свет балаганное «правительство».

Каракорум, этот контрреволюционный ублюдок, принес на Алтай много несчастий. Он любил вонючую юрту, вшивую шубу и древнюю кожаную посуду. Наряду с этим он ненавидел дедовский лук и был страстным поклонником трехлинейных винтовок и семизарядных наганов. Вскоре он начал свои набеги на советы. Во время колчаковщины он натравливал алтайцев на партизан. В 1920—1922 годах многочисленные бандитские отряды таскали по Алтаю тряпки с его лозунгами. Опять появились всадники на белых конях, выдававшие себя за пророков. Снова заговорили о склонах Белухи, по которым должен был спуститься с неба потомок Чингис-хана.

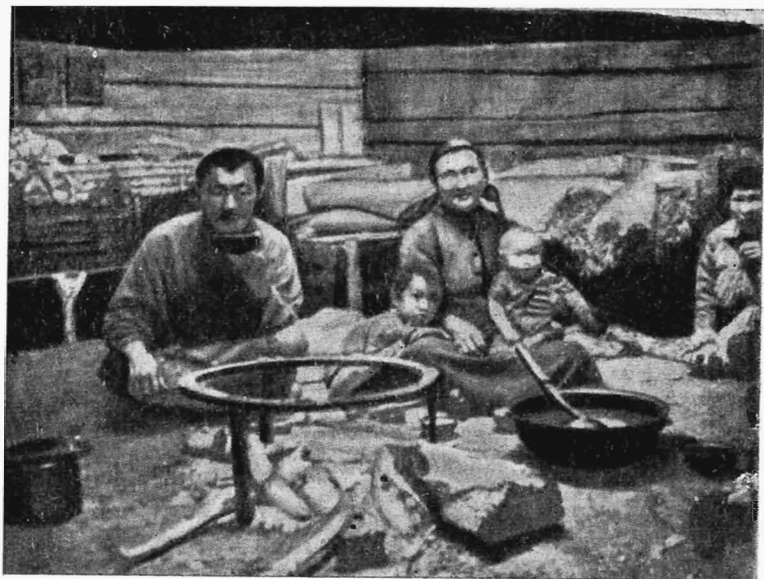
Пять лет шла борьба. Каждый километр здесь обогрен кровью отважных красногвардейцев, партизан, чонцовцев.

...Снова Катунь. Здесь она еще стремительнее и красивее. Среди каменных берегов вода блестит, как серебряный нож. С правой стороны реки — высокая ровная терраса, слева — величественные бомы². Высоко над

---

¹ Белки — горы, покрытые вечным снегом.

² Бомом на Алтае называют тропу или дорогу, проложенную по высоким скалам, пересекающим речную террасу.

Внутренний вид юрты.

рекой в черных скалах вырублена дорога. Она огибает мысы, скрывается в каменных нишах и прорывается между двух отвесных стен. Скалы возвышаются над ней на несколько десятков метров. Это один из самых живописных участков Чуйского тракта. Некоторые утверждают, что по красоте он превосходит лучшие участки Военно-Грузинской дороги.

В двадцати километрах от бомов — река Иня. Пять лет тому назад на высокой песчаной террасе стоял одинокий каменный столб — «коновязь» богатыря Сартакпая. Теперь, при советской власти, по соседству с «коновязью» поставлены бензиновые баки, сооружены склады и гаражи и построены дома для двух тысяч человек.

К нашему приезду на околице поселка была поставлена арка, за которой вдали синели Чуйские Альпы с серебристыми прожилками снега.

Заботливые хозяева приготовили нам ночлег. У входа

в палатки были поставлены нежнозеленые молодые лиственницы. На длинных столах, покрытых кумачом, возвышались вазы с полевыми цветами. Цветы были привезены издалека, с верховьев реки Ини. Над столами висели электрические лампочки.

Лошади ждали нас здесь пятый день. Их дали колхозы из трех аймаков — Онгудайского, Усть-Коксинского и Кош-Агачского. Коноводы — лучшие ударники колхозов.

22 июня.

Утро пасмурное. Туман белыми шарфами окутал ближайшие сопки, лег на склоны Чуйских Альп. Вскоре ветер колыхнул его и начал поднимать все выше и выше. К полудню появились голубые окна. Потом ветер угнал последние обрывки туч. Стало жарко. А после полудня небо снова затянулось тучами. Пошел дождь.

Мы с художником Тютиковым пошли в горы. Долина узкая. Серые песчаные террасы — следы ледников. Реку называют Иглой (Иня). Она проколола горные хребты и вылетела к Катунь. Здесь тяжелой плотиной обломили ей острие.

Возле маленькой деревеньки — крутые песчаные осыпи. К косогору прижался одинокий тополь. Влево от него по песчаному амфитеатру рассыпались кусты карликовой желтой акации. Среди кустов — деревянный памятник, окрашенный охрой. Я прочел надпись:

«Здесь покоится партизан тов. Чуприянов Сергей Н., 42 лет, закаленный в боях первого полка. Получено нездоровье в бою под с. Терским».

На могиле растет куст, на котором распустились фиолетово-малиновые цветы. Казалось, чья-то любящая рука положила на могилу огромный букет.

Много разбросано по Алтаю дорогих могил. В тесных ущельях и цветущих долинах погибли сотни красных бойцов.

Проводить нас в Иню приехал секретарь обкома ВКП(б). Он пожелал нам успеха, передал знамя обкома партии и попросил водрузить его на самом высоком пике Белухи.

ЧЕРЕЗ ХРЕБТЫ И РЕКИ

Сборы в дальний путь заняли полдня. Начальник отряда обошел всех лошадей, осмотрел седла, вьюки. Он был озабочен тем, чтобы во время перехода лошадям не набило спины. Забота о колхозном коне была первой заповедью всех участников альпиниады.

В час дня раздалась команда:

— По коням!

У нас было 122 лошади — караван растянулся на километр.

Гостеприимные иинцы провожали нас далеко за поселок.

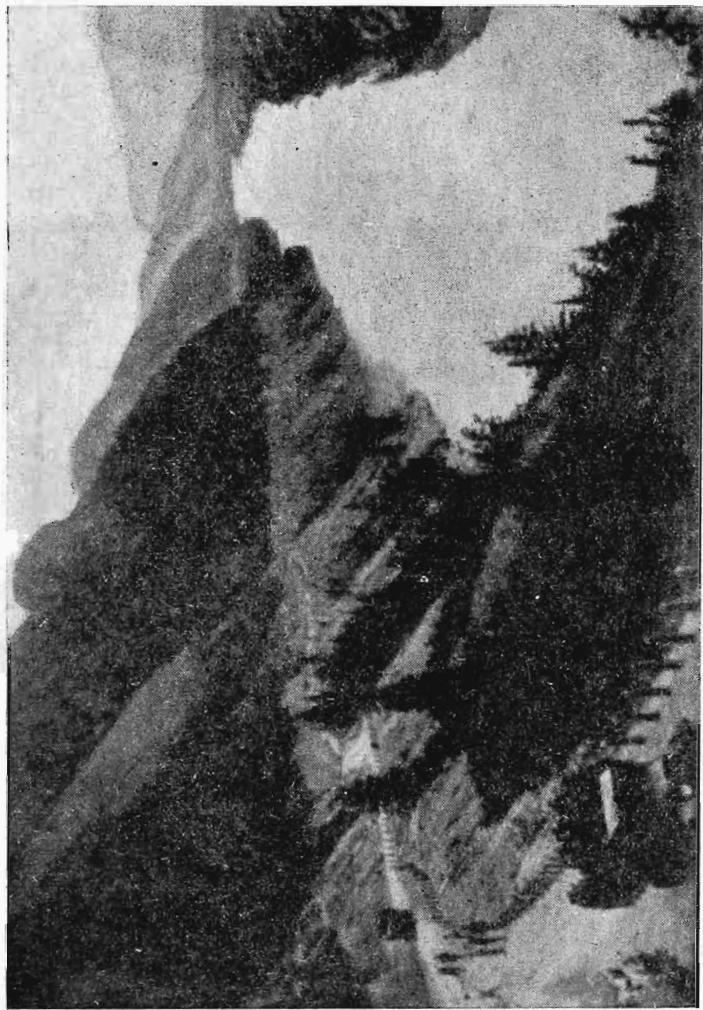
В пяти километрах от него, за паромом, бурная грязномолочная Чуя врывается в Катунь. Вода двух рек смешивается только на километр ниже устья.

За устьем Чуи возвышается бом Кондош. В начале его дорога напоминает узенькую завалинку у дома, затем подходит к обрыву. Здесь одна нога всадника задевает за черные скалы, в которых блестят белые жилы мрамора, а вторая висит над пропастью. Метров на сто ниже глухо ревет Катунь, расшибаясь о темносерые стены скал.

Огибая отроги Терехтинского хребта, дорога все время идет на запад берегом Катунь. Вот горы с обеих сторон вплотную подвинулись к реке. На четыре километра тянутся красивые бомы.

— Это место называется Юктенер, — говорит наш проводник. — По-русски будет: «навьючивайся сам». Тут вьюки на себе перетаскивали. Потому так и бомы назвали. Кони тут едва-едва проходили.

За бомами из мрачного ущелья вырывается белый, как молоко, Аргут. Он под прямым углом ударяет в

Десятки быстроходных автомашин проходят сейчас ежедневно по выстроенному несколько лет назад Чуйскому тракту, пролетающему по живописным берегам Чуи и Катунь. На снимке: Чуйский тракт и река Катунь.

правый бок Катунь. Катунь как бы сторонится от него, прижимаясь к левому берегу, но через несколько десятков метров уступает озорнику и покорно смешивает свои мутные воды с бурлящим молочным потоком Аргута.

Ущелье Аргута — самое суровое на Алтае. По обе стороны дикой реки — отвесные скалы высотой в километр. Не зря алтайцы называли реку кожаным мешком (Архыт), в котором киснет молоко.

Живописная Катунь и ее мощные притоки, — источники огромной силы. Считают, что сила Катунь в среднем и верхнем течении равна восьми миллионам киловатт. И недалеко то время, когда человек оденет на эти бурные реки железобетонную узду и заставит силу рек освещать селения, двигать машины, работать на полях и в скотных дворах. Уже сейчас некоторые уймонские колхозы на небольших притоках Катунь ставят турбины, используя силу рек для пилки леса и молотбы хлеба.

Недалеко от устья Аргута мы остановились на первую ночевку.

На зеленой лужайке, окруженной кустами черемухи и пересеченной серебристым ручьем, запылали костры. В больших ведрах варилась баранина. Полукругом расположились белые палатки. Под большим кустом — палатка радистов. Через несколько минут в эфир были брошены первые слова о нашем лагере.

Катунь вынесла к берегу огромные камни, и наши купальщики-любители прыгали с пестрой россыпи валунов в бурную реку. Вода была холодна. Это было первое и единственное купанье за весь поход.

На узкой террасе у подножья горы Байды дымились костры.

Под обрывом задумчиво и грустно пела Катунь.

Альпинисты сели в кружок. Долгих — посредине, лицом к горе. К кострам незримо подошел восемнадцатый год. Мы увидели его огневые дни. О них вспоминал Долгих.

...Полутысячный красногвардейский отряд вошел в горы. Четыре сотни чарышских казаков и четыреста кулацких сынков выследили суховцев и в селе Тележике прижали к горе Будачихе. Два дня продолжался

бой. Белые цепи то откатывались в поля, то змеями ползли к околице деревни. Эхо разносило в горах дробный стук вражеских пулеметов. А ночью мокрое черное небо рывкало десятками невидимых орудий. Над головами шахтеров и пимокатов, жестянщиков и железнодорожников, над головами русских и украинцев, мадьяр и латышей, отступавших на гору, рвались снаряды. На суровые лица красногвардейцев падали крупные капли холодного ливня.

Измученные ночным горным переходом, красногвардейцы спустились в деревню Каракол. Вместо того чтобы взять верховых лошадей, они сели на подводы. Никто не подумал об ошибке. Не желая надолго отрывать крестьян от полевых работ, отряд в каждом селе менял лошадей. А подводчики, возвращаясь домой, рассказывали всем, куда направились красные.

Из Усть-Кана штаб послал в Катанду эсера Жебурина, пробравшегося в отряд.

— Позабиться о сухарях. Переход в Монголию будет нелегким.

По дороге он встретил всадника, который ехал из Катанды встречать красногвардейцев.

— О-о! Друг! Жебуринин! — воскликнул тот. — Ты откуда?

— Казарцев! Здравствуй!

Эсеры поехали рядом, переговариваясь вполголоса.

Через два дня на Катандинский перевал поднялись красногвардейцы. Командир сказал:

— Впереди — самый трудный переход. Кто не чувствует себя сильным и стойким, сложите оружие.

Сто двадцать человек отошли в сторону.

Запылали костры. Ложи винтовок горели веселее сухих дров.

— Мы пройдем с вами последнюю деревню, за ней рассынемся по горам и будем пробираться к Чуйскому тракту.

В Катанде дымились бани. Пахло сухарями, жареным мясом и пьяной медовухой. Рыжебородые кержаки встречали красногвардейцев с низкими поклонами. В горницах были накрыты столы, в сараях ждали мягкие постели.

— Постарался Жебуринин!

— Казарцеву спасибо!

Ночью за селом шелестели зрелые хлеба. Белые отряды шли к Тюнгuru, обходя красных.

Через два дня катандинцы провожали гостей, засовывая в сумы их рыбные и мясные пироги.

Последняя деревня Тюнгur. Ночевка. На сеновале проснулся матрос. Чей-то голос, походивший на шорох сухого сена, говорил:

— Чего жалеть их... Да и не за что... Ты, Жебуринин, делаешь так...

И дальше торопливый шопот.

Утром матрос сообщил члену штаба о подслушанном разговоре. Долгих поскакал к Сухову. Выслушав его, командир сказал:

— Да, ведь, Жебуринин¹ едет впереди. Что-то не верится...

Вражки залпы оборвали разговор. За Катунью затрещали два пулемета. Третий бил в лицо. Справа, под обрывом — река, слева — скалы Байды. Отряд метнулся назад. Белогвардейская цепь открыла огонь.

— Тогда мы, отстреливаясь, полезли на гору. Вон по тому склону. — Долгих указал на скалы. — Наши понесли большой урон. — Он тяжело вздохнул и продолжал: — Я семь дней скитался по горам. Питался ягодами. Потом меня поймали дружинники-кержаки, которым за наши головы было обещано по пятьдесят рублей. Привели меня в Тюнгur, там я узнал, что накануне был насмерть замучен Сухов и пятьдесят красногвардейцев. Меня отправили в Катанду...

К кострам подъехали всадники. Спешились. Пожилой человек с рябым бритым лицом, прихрамывая на деревянную ногу, подошел к Долгих и крепко с горячей улыбкой пожал ему руку:

— А мы, товарищ командир, второй день ждем вас. Вся деревня собралась.

— В двадцать первом году у меня в отряде был, — сказал Долгих, кивнув головой на гостя. — А родной брат его был у белых. Вон там, на перевале, мы и убили его.

---

¹ В 1924 году Жебуринин был опознан г. Барнауле и расстрелян по приговору пролетарского суда.

Возле братской могилы, где похоронены семьдесят красногвардейцев, стояла плотная шеренга мужчин в черных пиджаках, в новых рубашках с красными бантами, левее — женщины в праздничных платьях, а еще дальше — дети; их головы были украшены полевыми цветами.

Ораторы говорили о распаханых целинах, о новых скотных дворах, о зажиточной жизни.

25 июня.

Мы двинулись дальше. Нас окружал густой лес.

На небольшой лужайке навстречу нам из-за горы вынеслась конница — по два всадника в ряд. Впереди всех ехал старик с ясными голубыми глазами. На груди его лежал широкий клин белоснежной бороды. Над черной войлочной шляпой развевалось красное знамя.

— Дядя Иван встречает! — воскликнул Долгих.

Мы обрадовались встрече. За дорогу Иван Иванович Долгих успел многое рассказать нам о смелом старике — красном партизане — Иване Артемьевиче Архипове.

Всадники остановились. Архипов смотрел на «сынка», как он звал когда-то Долгих. Глаза девяностолетнего старика слегка слезились.

Он вспомнил девятьсот восемнадцатый год.

Пойманных на горах красногвардейцев привели в село Катанду.

У кладбищенской ограды стояли бородатые катандинцы, блюстители старой веры. Красногвардейцы просили их взять на поруки. Староверы смотрели на землю угрюмо, скрюченными пальцами чесали рыжие бороды. Тогда Иван Артемьевич вышел из толпы и, указывая на Долгих, тихо, но уверенно сказал:

— Я возьму вон того, высокого.

Поручик Любимцев не знал, что Долгих был одним из членов штаба красногвардейского отряда. Поручик рывкнул на старика:

— Убежит, — своей головой ответишь, дурак!

— Что он, не человек что ли... — возразил Архипов. — Возьмусь. Поручусь.

В Ойрот-Туре работают курсы кройки и шитья, на которых учася женщины-алтайки.
На снимке: курсанты на практических занятиях.

— Вот хорошо-то! Говорят, что он — жестянщик, — будет нам самогонные аппараты делать! — воскликнул кто-то в толпе.

— Я еще возьму... вон того и того... двух, — настаивал смелый старик.

Офицер пригрозил ему. В толпе покачали головами.

Красногвардейцы прожили у Ивана Артемьевича до зимы девятнадцатого года, а потом ушли — кто в леса к партизанам, кто в город к подпольщикам...

«Папаша» и «сын» ехали рядом.

— На Белуху с нами поедешь? — спросил «сын».

— Возьмете, так поеду.

Архипов взглянул в глаза «сыну».

— Неужели на столбы Белухи залезете?

— Поднимемся!

— Ну, молодцами будете. Ох, и круты они!

Старик покачал головой и начал рассказывать о своих многочисленных поездках к подножью Белухи:

— Однажды мы шесть ночей у Белухи ночевали и даже не посмотрели на нее. Она не всегда людям показывается. С дальних гор если смотреть — чистая она вся, а подъедешь ближе — вся тучами закроется. Стоят около нее неделю, две, а она все не показывается. Люди махнут рукой и поедут дальше. Но только поднимутся на перевал, а она опять вся светится, будто дразнит.

Я много раз слышал от уймонцев легенду о том, что Белуха «людям не кажется». Легенда, вероятно, возникла в связи с тем, что затяжное ненастье в районе Белухи бывает довольно частым. Тучи тогда совершенно закрывают гору. Это значительно затрудняет восхождение, а порой делает его и вовсе невозможным. В районе Белухи редко выдается безоблачная неделя.

— Много вас едет, — продолжал Иван Артемьевич. — Белуха увидит столько людей, испугается и скроется.

— Так поедешь с нами?

— Поеду, — согласился дед Иван. — Я вокруг Белухи все дороги знаю.

Вот и Катандинская долина. Сюда в апреле 1922 года спустился с Яломанских белков отряд Долгих.

Мы едем по улицам села, в котором бандитизму когда-то был нанесен смертельный удар.

...Из долины реки Катанды мы поднялись на склоны сопки Саптан, возвышающейся над всеми окрестными горами (высота ее 2400 метров). На юге открылся самый высокий из хребтов Алтая — Катунский хребет, отделенный на востоке от Чуйского хребта ущельем Аргута, а на западе от хребта Холзун — узкой долиной Катунь. Снежный хребет тянется почти на 150 километров. С юга, запада и севера его омывает Катунь. Южные склоны круто обрываются у реки. А на север хребет протянул к Уймонской и Катандинской долинам длинные лесистые отроги. До перевальных точек надо ехать полтора-два дня. Позади зеленых отрогов выстроились темносиние вершины гор. Кажется, что с острых плеч гор свешиваются полотна чистого холста. Каменные щеки великанов припудрены снегом. На юго-востоке возвышаются ледяные шпиль. Вокруг них бродят тучи, рассыпая снежную крупу.

Восхождение на сопку Саптан имеет некоторое значение при решении спорного вопроса о том, сколько же вершин у Белухи. Жители Уймонской и Катандинской долин считают, что Белуха трехглава. Об этом же говорится в алтайских легендах и сказках.

Проф. В. Сапожников почему-то считал, что «массив Белухи увенчан двумя неправильными снежными пирамидами».

Между прочим у него имеются такие строки:

«В с.-в. направлении вершина (восточная. — А. И.) переходит в острый гребень, почти достигающий ее высоты; вероятно его Геблер назвал «седловидным отростком». С востока, с вершины Иедыгема он кажется острым шпильем со снежным навесом в южную сторону».

В другом месте он назвал этот «гребень» отрогом Белухи. На его фотоснимке, сделанном с Берельского ледника, четко обозначены три вершины, причем третий пик по высоте не уступает западной вершине. На фотоснимке, сделанном с ледника Мен-Су, видны две восточные вершины, за которыми скрывается западная.

С сопки Саптан открывается прекрасный вид на Белуху, находящуюся по прямой за шестьдесят-семьдесят километров на юго-востоке. Отсюда хорошо виден ее трезубец. На юго-востоке стоит снежный пик, соединен-

ный с средней вершиной (восточной) небольшим седлом. Кажется, что этот пик не ниже западной вершины.

В первые минуты нашего пребывания на склонах сопки Саптан западная половина Белухи была закрыта облаком, и мы приняли седло между северо-восточным пиком и восточной вершиной за всем известное седло, расположенное между восточной и западной вершинами. Когда облака рассеялись, мы увидели, что последнее седло раза в два глубже первого.

Насколько нам известно, высота северо-восточного пика никем еще не определена. Тем не менее мы полагаем, что местное население не ошиблось, называя Белуху трехглавой.

С сопки Саптан прекрасно видна ледяная стена Белухи, поднимающаяся над ледником Родзевича на целый километр. Эта стена не позволяет восходить на снежное седло с севера. Мы будем вынуждены пойти в обход по темпосиней Кураганской щели, которая видна на юге, и перевалить через Катунский хребет. Наш лагерь будет раскинут на южном склоне горы. Для этого нужно совершить четырехдневный переход.

В сумерки мы возвращались в Катанду. В бесчисленных арыках весело журчала вода. По полю осторожно, чтобы не помять пшеницу, шагал босой старик. Он железной лопатой отворял одни арыки и запирали воду в других: он поил поля водой.

Катадинская долина в этот вечерний час показалась нам гигантской малахитовой чашей с темносиним пояском наверху и посеребренными зубчатыми краями. Она и летом и зимой чаще, чем другие долины, бывает залита солнцем. Отсюда идет тропа на юг, к леднику Геблера. Отсюда можно пройти к северным склонам Белухи, по Кочурлинским ледникам можно пытаться штурмовать западную вершину. Наконец, севернее Белухи, между Ак-Кемом и Кочурлой, есть снежная вершина, высотой около 4 200 метров, на которой еще никто не был.

27 июня.

Весь день прошел в разговорах о том, по какой тропе двигаться. Еще в Новосибирске мы решили идти

через Кураганский перевал, как ближайший к Белухе. Правда, тропа по реке Нижний Кураган значительно хуже, чем тропа по реке Мульте, которой пробирались до сего времени исследователи и туристы, но переход через Кураганский перевал к леднику Геблера сэкономил бы два дня. К тому же, наших геологов, картографов и ледниковую группу больше интересовал именно этот район. Однако еще в Новосибирске местные работники телеграфировали нам о том, что по Нижнему Курагану пройти совершенно невозможно. Проводники в Катанде говорили нам, что там тропа на протяжении пятнадцати километров идет по сплошному корумнику¹. Они горячо уверяли нас, что по далекой обходной тропе дойти до Белухи можно в три дня. Однако мы решили идти долиной Нижнего Курагана к Катунскому хребту и переправились на пароме через Катунь.

Тропа вилась по густому лесу. Среди лиственницы и березовых зарослей иногда попадались стройные ели и косматые плечистые кедры. Высокие кусты шиповника были осыпаны розовыми и белыми цветами. Запах белого шиповника не уступал аромату роз.

Через пять часов солнце опустилось на острые зубцы гор. Мы расположились на ночлег немного выше устья р. Киргизки. Штабную палатку раскинули на самом берегу шумного Курагана. При вечернем освещении река казалась полосатой: с юго-востока вода была изумрудной, с северо-запада розовой.

Шум реки убаюкал нас, и мы крепко заснули.

29 июня.

Когда-то на Курагане было три моста. Все катандинцы ездили на охоту и на рыбалку в верхнюю долину Катунь только через Кураганский перевал. Года два назад большая вода сорвала мосты. В это же время кто-то пустил слух, что недалеко от перевала по корумникам прошла оплывина, завалила тропу и проезд стал невозможен. Но в верховья Катунь расположена метеорологическая станция. Раз в месяц надо отправ-

---

¹ Корумник — каменная россыпь.

лять туда почту. По ущелью Курагана — ближайший путь. Местное пачальство распорядилось о поисках других перевалов через хребет. Вместо того чтобы построить новый мост на Нижнем Курагане, минувшей весной был перекинут мост через его левый приток — реку Осиновку, а дальше проложена тропа по узкой долине реки Хазинихи с перевалом в Третью Становую, по которой проходит мультинская тропа. Дорога стала длиннее километров на тридцать пять, в горных условиях — это лишний день пути.

Нам не хотелось идти по Хазинихе, тем более, что Иван Артемьевич уверял:

— Третьего дня приехал человек сверху. По Курагану шел. Говорит, дорога добрая. Там прямо ближе.

Чтобы попасть на Кураганский перевал, надо было перебраться на правый берег реки. Мы начали искать брод, хотя надежды на успех было мало. Вода стремительно мчалась в отвесных каменных берегах, расшибаясь об огромные валуны и рассыпаясь фонтанными струями. Вступать в реку было опасно — на первом же шагу волна могла сорвать коня и понести к темнозеленым острьякам. Даже в тех местах, где река разделялась на несколько рукавов, переход был невозможен. Вода била под самое седло.

Так мы доехали до крутого спуска к Осиновке. Внизу грозно ревела река, извилистое ложе ее было заброшено огромными валунами. Река извивалась среди них, брызгая пенистыми волнами и неслась к шаткому мосту. На двух лиственничных козловинах были укреплены три бревна, на них накидан мох — вот и весь мост. Одна из наших вьючных лошадей оступилась на этом мосту и упала на правый бок. Вода прижала ее к мостовине. Не унесло коня лишь благодаря тому, что он упал возле берега, в маленькой заводи. Шесть человек едва вытащили его. Кожаные сумы, в которых лежали сухари и патроны, были полны воды.

Мы осторожно провели коней по шаткому мосту. Длинные мостовины дрожали под ногами. Холодные брызги били в лицо. Казалось, что бешеная вода сейчас подхватит мост и он рухнет в водопад.

За Осиновкой тропа снова повернула к Курагану. Проводник уверял нас, что дальше сплошные корум-

мики и кормить лошадей пегде. Хотя было только три часа, мы остановились на ночлег на высоком мысу над рекой.

Шесть человек сразу же пошли искать брод. Оказалось, что ниже устья Хазинихи Кураган переходить в брод нельзя, а Хазиниха еще суровее Осиновки. Вода со стремительной быстротой мчалась по глубокой щели, на отвесные береговые скалы хлопьями ложилась пена.

Нам все же удалось найти удобное место для постройки моста. Кураган там разделен островом на два протока. Западный проток узкий и глубокий, а восточный — широкий и настолько мелкий, что издали видна галька. Над обрывом реки стояли две лиственницы. Мы срубили одну из них. Она упала вершиной на остров. Комель сорвался с пня и оказался в воде. Река озлобленно изогнула толстую лиственницу, как лук. Пришлось вырубить несколько рычагов, чтобы приподнять дерево над буйной водой, которая облизывала гладкие камни, крутилась в воронках и летела вниз. Это нам удалось не скоро. Мы даже опасались, что река переломит дерево, как соломинку. Потом мы свалили вторую лиственницу и укрепили ее рядом с первой на камнях. Теперь можно было уже переходить с берега на остров. После обеда из лагеря пришло подкрепление. Были срублены две высокие ели и по лиственницам их подтащили так, что они легли с берега на берег. Оставалось только забить щели тонкими палками и устроить подъезд. Наш мост выглядел прочнее и надежнее, чем знакомый уже нам мост через Осиновку.

В это время к лагерю подъехали ямщики, которые возили наш груз к Белухе и теперь возвращались в Катанду. Один из них, услышав о мосте, замахал руками.

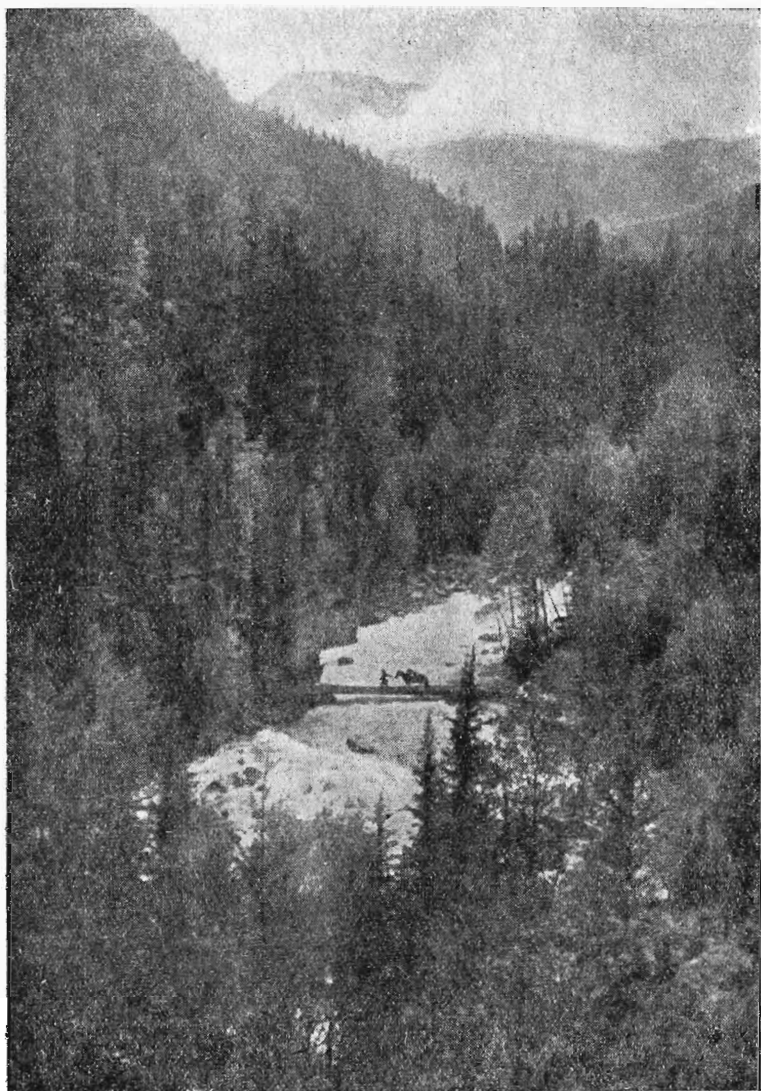
— О, да там проехать нельзя. Всю тропу оплывинами завалило. Я там промышлял, знаю. Через Хазиниху лучше. Корумника здесь километра два, больше не будет.

Начальник послал дневального к Курагану.

— Скажи, чтобы мост не делали.

Мы были очень огорчены тем, что нам не придется воспользоваться своим сооружением. Кроме того многим

По узкому и шаткому мосту перебираются участники альпиниады через бурную горную речку Осиновку. Отсюда они пойдут в верховья реки Катунь.

очень хотелось пройти по Кураганскому перевалу, самому высокому на Алтае (2 700 метров).

Неделю спустя по этому мосту проехала группа туристов, — наши сердца наполнились гордостью. На четвертый день, на сутки раньше нас, туристская группа пришла к леднику Геблера и сообщила, что дорога через Кураганский перевал лучше, чем через Хазиниху.

Один из ямщиков подвел к костру шестилетнего мальчика, одетого в старое пальтишко, холстяные штаны и дырявые большие бутки. На голове его была шапка с оторванным ухом, из дыр вываливалась пакля, а под ней виднелись белые, как лен, мягкие волосы. На его грустном и давно не мытом лице видны были следы недавних слез.

— Вот по дороге сына нашел, — сказал ямщик. — Свои-то большие выросли, теперь чужого кормить доведется.

Днем раньше ямщики переходили Верхний Кураган. У одного из них упала шуба. Ее понесло к Катунь. За шубой бросился Черепанов.

— Подбежал я к Катунь, шубу достал — рассказывал он. — Слышу, где-то далеко кто-то шумит. Поглядел кругом, — нет будто никого. А он все шумит. И неладно так. Чую, что беда какая-то стряслась. Поднял глаза туда, за Катунь, на высокий-то яр, на вот тебе, парнишка какой-то шумит. Бегаёт по берегу и маячит мне, — дескать, дяденька, возьми меня. Разделся я, да на коне сплавал за ним. Он уже там весь голос перекричал, хрипит только. Привез, я его на эту сторону, посудили-порядили с товарищами, куда его ~~ид~~ везать, — повезем, мол, домой...

Мальчик рассказал, что несколько дней тому назад дедушка взял его с собой на рыбалку. Вечером они сидели с удочками на берегу какой-то горной реки. Вдруг лошадь, привязанная неподалеку, кого-то испугалась, порвала веревку и убежала. Дед погнался за ней, а мальчику сказал, чтобы он подождал на месте рыбалки. Мальчуган посидел немного, испугался одиночества и пошел в ту сторону, куда убежал дед. Трое суток мальчуган бродил по горам и лесам, пока не вышел к Катунь и не увидел на другой стороне ее знакомых всадников. Хлеба у него не было ни крошки.

— Я воду пил, — тихо прохрипел мальчик и заплакал. — Попою и иду... Волка видел. Черный... Я в траву спрятался от него...

Видимо, он повстречался с медведем.

Мы усадили мальчугана к костру, налили ему полную чашку супа, дали сухарей. Спросили:

— Как тебя, малый, звать?

— Степанком.

— А фамилия?

Мальчуган не понял.

— Отца твоего соседи как зовут?

— Павел Шульгин. А мать — Марья.

— А где вы живете?

— В Уруле.

Уруль — небольшой поселок в Казахстане. От устья Верхнего Курагана, где взяли Степанка наши ямщики, до Уруля километров шестьдесят.

Через несколько минут радист уже выстукивал радиogramму о Степанке.

Когда мальчик пообедал, ямщики поехали дальше. Степанка посадили на лошадь. Он смело перекинул правую ногу, одной рукой ухватился за гриву, а второй взял повод и начал погонять послушного коня.

Вечером из Ини получили радиogramму:

«Самолеты сегодня утром вылетели из Бийска. Один благополучно опустился в Ине. Второй потерялся в тумане, в районе Семинского перевала».

В штабной палатке загрузили.

— Не угробились бы, — проговорил Долгих.

Во время борьбы с бандитизмом в его распоряжении было два самолета. Один был вынужден в непогоду сесть на Семинском перевале и разбился. Второй хотя и пролетел в районе Белухи, но особой пользы для боевых операций не принес. Возле Белухи воздушные потоки так трянули машину, что летчик едва сумел повернуть ее от скалы, а летнаб уронил на ледник авиационный фотоаппарат. С тех пор в горном Алтае никто не летал. И теперь штаб альпиниады не возлагал особенно больших надежд на самолеты. Ну, пролетят они возле Белухи, может быть сбросят почту — и только. Посадка в узкой долине Катуня невозможна: там или болота, или бесчисленные валуны и заросли полярной

березки. И вот первая неприятность: самолет не долетел до Ини. Где он опустился? Летчики, правда, опытные. У каждого из них летный стаж по пяти-шести лет. Они летали над оренбургскими степями, над Нарвой и финскими болотами, над глухой сибирской тайгой и не знали аварий. Но ведь даже полет над тайгой гораздо проще и безопаснее полета в горах. А в горы попали в первый раз. Они еще незнакомы с режимом гор. Видимо, их захватил в полете туман. Это самое страшное и опасное. Сумели ли они в тумане найти хоть какую-нибудь полянку для посадки? Живы ли сами, цела ли машина?

Мрачные догадки сменяли одна другую.

30 июня.

В семь часов прогудела сирена. Подъем.

Над рекой распростерлась туманная завеса. Но вскоре в долину спустился легкий ветер, разорвал туман и по ущельям угнал его на хребет.

Тропа к реке Хазинихе проходила густым лесом и опоясывала высокий каменный лоб. Подъем на него был очень крут. Лошади шли по камню, как по лестнице, потом оказывались под мрачным карнизом, где в скалах выбит уступ шириной в полметра. Уступ оканчивается стометровым обрывом. Внизу — деревья и острые каменные шпильи. У самого выхода наверх со скалы на скалу перекинута бревно, между ним и каменной стеной — несколько гнилых хворостин, поверх которых набросан мох. Этот легкий мостик качается под ногами.

Лошадей вели в поводу. Мой Сивко передними ногами уже ступил на каменную плиту.

— Перешли чортов мост, — подумал я.

Но в это время переломилась одна из хворостин под задней ногой Сивка, конь сел на бревно и повалился в сторону обрыва. Рядом на скале стояли артиллеристы. Они подхватили коня кто за хвост, кто за гриву и с трудом удержали. Конь начал биться и чуть было не упал под обрыв. Прибежали коногоны, и общими усилиями конь был спасен.

В долине Хазинихи корумник пересек тропу. Лошадям приходилось ступать очень осторожно, выбирая место, куда безопаснее поставить ногу. Иногда ноги их застревали в камнях, словно в капканах.

Через километр показалась зеленая лужайка, за ней каменная полоса, а потом до самого перевала — альпийское большетравье, группы хвойных деревьев, изломанных суровыми ветрами. Десятки пестрых от цветов полянок, на которых приятно было бы раскинуть лагерь. Если бы нас не обманули проводники, мы еще накануне добрались бы до самого перевала. Когда мы одного из них упрекнули в этом, он коротко ответил:

— Я забыл, что тут есть такие места...

Вершины гор дымились, как потухающие костры.

Не успели мы подъехать к перевалу, как пошел дождь.

Пообедали и двинулись дальше. По обе стороны тропы цвели водосборы. Тонкие ножки их не были видны и потому казалось, что огромные синие пауки медленно парят над землей.

Слева у подножья острой вершины — малахитовое озеро. Снежные полосы уходят в прозрачную воду. Возле тропы неделю тому назад стоял снег. Лиловые цветы кандыка уже расправили острые стрелы своих лепестков. Журчали тысячи ручьев.

Еще один крутой подъем, и под ногами захрустел снег.

Перевал. Высота 2 620 метров.

На снежном поле кое-где виднелись розовые пятна. По всей вероятности, — это гнезда микроскопических водорослей, которые проф. Сапожников находил на других ледниках Алтая.

На перевале нас встретил сырой юго-западный ветер. Вся долина Третьей Становой, куда нам предстояло спускаться, была закрыта облаками.

— О, поднялись не только выше горных орлов, но и выше туч! — крикнул один из альпинистов.

Вскоре облако остановило нас. В пяти шагах ничего не видно. Минут через двадцать туман поднялся над лысым лбом горы, и мы увидели далекие темно-голубые хребты и над ними узкую полоску неба.

...Полдня ехали по южным отрогам Катунского хребта.

Мягкие склоны гор. Солнечные долины.

Возле тропы шумела веселая Тургень-Су. Прозрачная вода сбегала как бы по каменной лестнице. Не зря алтайцы называли речку «быстрая вода».

В полдень мы настигли стадо быков, которых наши скотогоны гнали к леднику Геблера. На берегу Курагана одного быка зарезали. Часть мяса положили на сучья старого кедра, а на месте стоянки оставили записку начальнику научной части П. Хороших, который шел с небольшим отрядом позади нас:

«Перевал перешли благополучно. Идем правым берегом Катуня. На Кураганских высотах убили одного тау-тэкэ. Часть мяса оставили вам. Ищите на кедре».

Вечером на место нашей стоянки пришел отряд Хороших. Участники похода хвалили суп из оставленного нами мяса и расспрашивали начальника о горном козле тау-тэкэ. В это время кто-то нашел возле реки ноги быка и принес к костру.

— Так это не тау-тэкэ, — протянул разочарованно Хороших. — Ноги черные. Это, может быть, марал. Но у марала ноги должны быть больше этих. Это наверное молодой бык.

Многим суп сразу показался невкусным.

К костру подъехали всадники.

— Парня не видали ли тут где-нибудь? — спросил один из них.

— Какого? Маленького? Степанка?

— Да, да... Степана.

— В Катанду поезжайте.

Всадники рассказали, что дед и Степанка рыбачили в пяти километрах от деревни Берель. Когда стало известно, что мальчик потерялся, пятьдесят человек отправились на поиски. За три дня они обошли и объехали все горы и долины в районе реки Берели и ее притоков. Никто из них не думал, что шестилетний мальчуган может перевалить через горы, пройти не менее тридцати километров по густому лесу и оказаться

на берегу Катуня. Сюда они поехали лишь потому, что больше искать было негде.

Верхний Кураган. Я переезжал его в брод восемь лет тому назад. Тогда он мне показался очень бурным. Не вода, а как бы дикая отара белых овец бежала в Катуня. Позднее я узнал, что столетия люди сравнивали эту реку с отарой белых овец: Кураган в переводе на русский язык — ягненок. Приятно было увидеть опять знакомую реку. Но она не произвела на меня такого впечатления, как при первой встрече. Во время первого брода у меня слегка дрожали коленки. Мне казалось, что и конь дрожал. Я знал, что иногда даже охотники-алтайцы предпочитали сделать несколько лишних километров, чтобы миновать брод: где-то вверху через Кураган был мост. Я смотрел на злобные буруны воды и думал: «Упадешь на середине реки, так не выберешься, унесет в Катунь». С тех пор я обошел много алтайских хребтов, много видел диких рек. Теперь мне тот же Верхний Кураган показался довольно спокойным.

К вечеру отряд пришел на обширную сухую террасу Катуня у впадения реки Узун-Кара-Су. Возле могучих лиственниц разбили палатки. До Белухи оставался всего один переход, но ее все еще не было видно. Люди говорили о ней с какой-то особой теплотой в голосе.

В сумерки радисты принесли радостную радиogramму из Ини. Командир летного звена сообщал, что оба самолета находятся там и ждут наших распоряжений. Вследствие тумана летчики второго самолета были вынуждены опуститься возле Онгудая. На следующее утро летчик и штурман полетели на розыски, заметили на лужайке самолет, опустились возле него, а потом вместе вернулись в Иню.

У ПОДНОЖЬЯ ГОРЫ

2 июля.

Опять мы едем возле Катуня. Мы успели полюбить эту стремительную, сильную реку, разорвавшую алтайские хребты. Но здесь она совсем не походит на ту красавицу, которую мы знали в среднем и нижнем течении. По широкой болотистой долине, кое-где заросшей унылым кустарником полярной ивы, лениво извиваясь, ползла белая река. Не только странно, а почему-то даже неприятно видеть такую кроткую реку в горах.

На востоке черные скалистые гребни замыкают одну из верхних долин Катуня. Кажется, дальше ехать некуда. Тропа упирается в скалу, которая с севера от хребта протянулась к противоположной стене, словно каменный занавес.

Но вот наконец тропа огибает черные выступы скал. Перед нами дрогнул каменный занавес и как бы поплыл к величественной рампе хребтов. В долине сразу стало светлее. В черной рамке гор встали сверкающие белизной вершины со снежным следом посередине. В первую минуту гора показалась нам роскошной декорацией. Люди в восторге стали бросать в воздух фуражки и кричать:

— Вот так Белуха! Слепляет прямо!

— Чистая работа! Серебро!

— Ох и крута, матушка!

Иллюзия театральности быстро исчезла. Вряд ли художник мог бы передать на полотне эту поразительную белизну с едва уловимым голубым сиянием. Гора предстала перед нами прозрачной, как бы освещенной изнутри. Впечатление, действительно, непередаваемое. Не

зря люди, получив месячный отпуск, спешат за тысячами километров к снежным горам. Гордые вершины очаровывают человека своей несказанной красотой.

Тракторист Никонов, маленький рябой человек, склонный к удачеству, громко воскликнул:

— О, на Белухе кто-то на лыжах ходил!

В 1927 году один москвич, молодой научный работник, вот так же крикнул на этом месте:

— На седле Белухи сегодня кто-то был! Я ясно вижу следы человеческих ног.

— Что-ты, до седла Белухи отсюда больше двадцати километров, — напомнили ему.

— Не может быть... Вон следы человеческих ног, — настойчиво повторял молодой ученый.

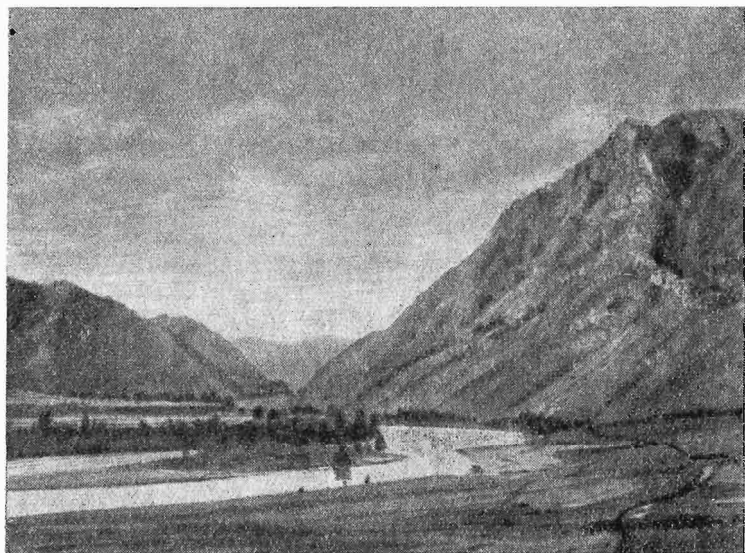
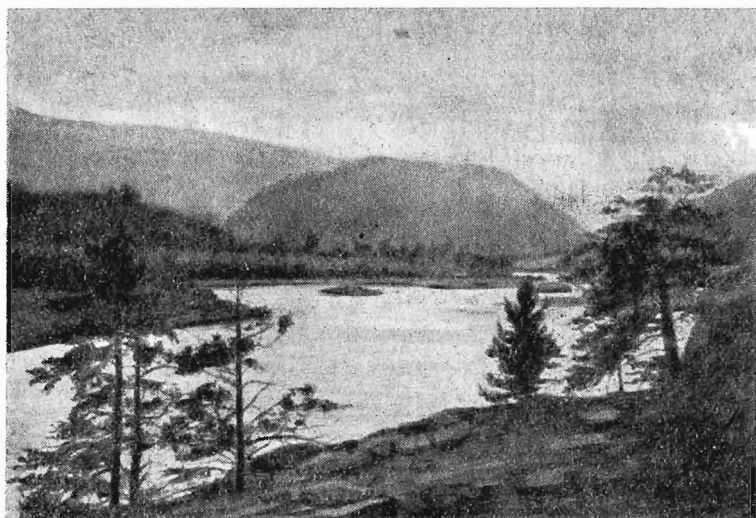
Никому не хотелось верить, что до горы еще далеко. Казалось, что она почти рядом, потому новички и приняли трещины на леднике за «следы человеческих ног».

Величавая красавица Алтая впервые показалась путешественникам лишь на несколько минут, а потом стыдливо спряталась за ближние сопки, будто прикрыла грудь каменным платьем. И только через полтора часа она снова встала во всей своей прекрасной обнаженности и властно преградила дорогу.

Изогнутая, как лук, долина Катунь гладко отполирована древним ледником. Кое-где она заросла полярной березкой. В густых зарослях скрывается конь, и гропа там еле видна.

На склоны хребтов полярная березка легла большими темнозелеными пятнами. Еще темнее одинокие, хмурые кедры. Казалось, что лес, остановившийся в пяти километрах от ледника Геблера, послал своих выносливых разведчиков на вершины хребтов. Смелчаки пошли рассыпным строем. Вскоре дикий ветер встретил их, растрепал им косматые волосы и перекинул на одну сторону, ломал кряжистые руки. Отважные разведчики, пригнувшись к земле, пошли еще выше. Снежные вихри налетели на них. Разведчики легли на жесткую землю и поползли по ней к перевалам, к вечным снегам.

Щедра горная весна! Она одела сырые склоны хребтов в синий шелк: там цветут водосборы. Но этот рос-

Сквозь дикие ущелья скал, через дремучую тайгу несет свои воды река Катунь. На снимках: Катунь около Чемала (верхний) и у Елаиды (нижний снимок).

кошный наряд — на несколько дней. На смену ему уже приготовлен новый. На песках показались первые листья карликового иван-чая. Скоро он зацветет, и долина будет малиновой, а потом взметнется больше-травье, и хмурые мухоморы сделают долину темноси-ней.

Вот и последний остров на Катунь. Выше его, за рассыпями крупных камней, за древними моренами белеет «язык» ледника. На острове — густые заросли полярной березки и полярной ивы. Над зеленью — красный флажок. Там — наш лагерь. Рядом за Катунью шумит самый живописный на Алтае водопад Рассып-ной. Вода срывается с черных скал, летит тридцать метров, разбиваясь на десятки струек, далеко разбрасы-вая серебряные брызги, а потом несется по камням еще сто семьдесят метров вниз, к Катунь. Две недели мы будем любоваться этим чудным потоком, засыпать под музыку горных вод.

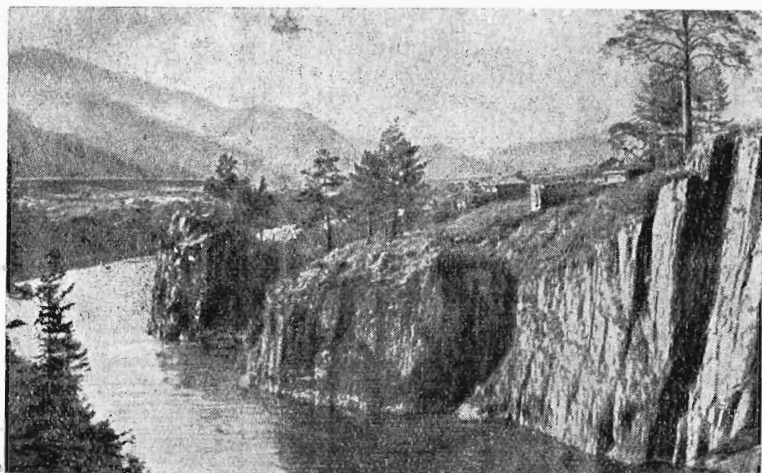
На лужайке несколько белых палаток — начало бу-дущей улицы. С одной стороны их — длинные коно-вязи, с другой — костры с деревянными таганами. Не-подалеку от костров сохнет на солнце медвежья шку-ра. Возле нее, как флаг, поднята на палке шкура ро-сомахи. Рядом с продуктовой палаткой — гора мешков с овсом.

Когда молодые разведчики двинулись навстречу нам, на мешки взобрался человек среднего роста в черных трусиках. Тело его казалось отлитым из бронзы, на румяных щеках виднелись следы недавних ожогов, распухшие губы кровоточили, на голове — короткая щетина седеющих волос. Это был заслуженный мастер альпинизма Д. И. Гущин.

Возле водопада Рассыпного спускался к Катунь вы-сокий, немножко сутулый человек.

— Вон Александр Федорович возвращается, — ска-зал Гущин. — Ходил на разведку на Черную сопку. Надо подать ему коня.

Но Гетье не стал ждать коня, разделся и пошел че-рез Катунь. Он широко ставил ноги и опирался на ле-доруб. В одном месте этот плечистый человек, тело которого казалось высеченным из камня, едва устоял против сильного течения. На берегу его ждала друже-

Реска Катунь около Чемала.

ская встреча. На лице Гетье были бурые пятна спаленной кожи, щеки и губы так потрескались, что этот добродушный и веселый человек совершенно не мог улыбаться. Заговорили о Белухе.

— Седло — это штучка. Это вам не вершина Эльбруса, — сказал Гетье. — Более поганого ледника я не видел. Выше Раздельного гребня — снег. Вы проваливаетесь по пояс и не знаете, что же под вами — лед или огромная трещина. Ужасно неприятный ледник.

Он поморщился и потряс неодобрительно головой.

Начальник похода заметил, что у Гущина забинтованы большие пальцы ног.

— На восточной вершине обморозил, — объяснил Гущин.

Мы быстро расседлали лошадей, раскинули палатки. Две улицы белых палаток!

Гущин рассказывал о первом восхождении на Белуху:

— Мы втроем пробыли на горе четверо суток. На втором ледопаде, на трехстах метрах, мы ходили целый день и только к вечеру с трудом выбрались на скалы. Шли среди сплошного хаоса нагромождений

льда, изборозжденного глубокими трещинами. Трещины тянутся во всех направлениях. Большинство их закрыто снегом. Много здесь таких снежных мостиков, которые не выдерживают тяжести человека. Пока шли до седла, я проваливался раз десять. Между Раздельным гребнем и седлом на боковых скалах много снежных навесов. Там часто идут лавины. Мы с Гетье долго сидели и раздумывали над тем, где с меньшим риском может пройти вся колонна. Кажется такое место мы нашли: справа лавины до нас не дойдут, а слева пролетят мимо.

РАССКАЗ РАЗВЕДЧИКОВ

Путь от седла до восточной вершины Белухи Гущин и Гетье описали так:

«Оставив рюкзаки со всеми вещами, в 15 часов 10 минут мы двинулись по обледенелому фирновому склону восточной вершины. До гребня нам пришлось пересечь несколько нешироких трещин. Подъем был начат в южной части вершинного гребня с таким расчетом, чтобы под нами не было подгорных трещин.

Фирновый в нижней своей части склон быстро перешел в ледяной. Имея очень ограниченное время для подъема, мы двигались змейкой без рубки ступеней, надеясь на крепость «кошек» и охраняясь клювом ледоруба. Восхождение по ледяному склону требовало напряженного внимания, точности и хладнокровия. Малейшая ошибка в постановке ноги привела бы к срыву всех троих вниз. Местами склон достигал 50° уклона. Через час достигли вершины гребня. Далее путь шел вверх по гребню, по скалам. Последние давали прекрасную опору для рук и ног, и подъем пошел значительно быстрее.

Кончился путь по скалам, начинался снежник, по которому движение возможно было только на «кошках». Снежник, вначале отлогий, постепенно становился все круче и круче. Итти по нему стало невозможно. Мы перешли на скалы. Пройти по склонам можно было лишь на расстояние шестидесяти метров, а потом начался узкий снеговой гребень. Ширина его была так ничтожна, что на нем едва умещалась ступня ноги.

На востоке открывался вид на Берельский ледник. В эту сторону гребень спускался совершенно отвесной стеной в пятьсот метров. В сторону седловины шел ле-

дяной кулуар, переходящий в очень крутой фирновый склон, заканчивающийся большой подгорной трещиной. Снова пришлось надевать «кошки». Соблюдая максимальную осторожность, мы перешли этот опасный шестидесятиметровый участок. Далее следовал скалистый участок, который опять переходил в широкое снеговое ребро. По этому месту мы прошли, надев «кошки». Потом шли опять скалы, но на этот раз путь по ребру кончался. Отвесный «жандарм»¹ из громадных гладких вертикальных плит закрывал дорогу. Взять его «в лоб» не было никакой возможности, пришлось искать бокового траверса. Склон в сторону Берельского ледника представлял собой отвесную стену. Нечего было и думать обойти «жандарм» с этой стороны. Нужно было искать траверса по западному склону гребня, спускающегося к седловине. После внимательного осмотра склона было решено спуститься метров на шестьдесят ниже по скалам и затем пробовать делать траверс. Держась за веревку, мы стали переходить склон. Выступы скал были настолько малы, что часто их можно было захватить только передними фалангами пальцев, но, к счастью, порода была твердая и давала надежную опору.

Этот участок был крайне опасен: вниз шли почти отвесные скалы не менее чем на триста метров, и срыв грозил неминуемой гибелью. Для уменьшения опасности пути по этому участку было решено вбивать крюки и подвесить веревку. Благополучно закончив траверс, мы снова вышли на гребень и, миновав довольно широкую седловину с мелким щебнем, на которой виднелись следы лагеря Аболакова, стали подниматься на последний скалистый участок. Время уже приближалось к вечеру, небо покрылось облаками, закрывавшими вершину. Шли в тумане. Временами ветер разгонял облака, и тогда вершина была видна совсем близко. В восемь часов вечера достигли вершины. Осмотревшись, мы сразу заметили небольшой, сложенный из трех камней, тур. Подняв один из камней, мы нашли консервную банку с запиской Аболакова о вос-

---

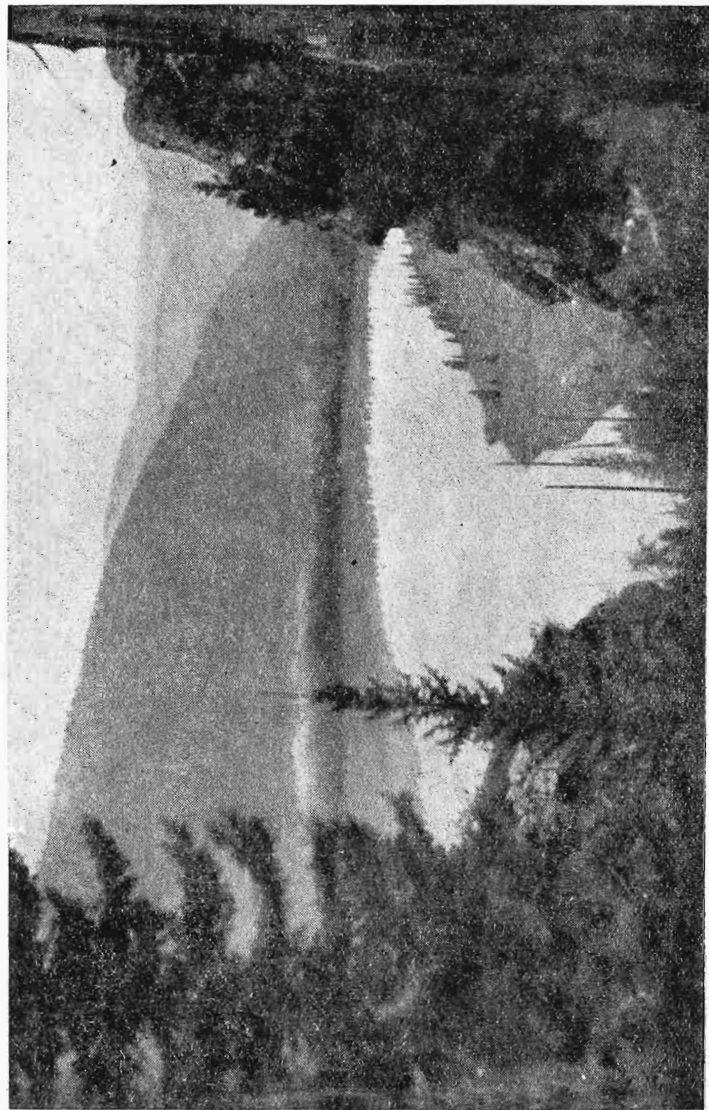
¹ «Жандармами» альпинисты называют скалы, преграждающие путь к вершине.

хождении альпинистов на эту вершину 13 августа 1933 года.

Мы взяли записку Аболакова, вложили в банку ее копию, присоединили и свою и быстро стали спускаться. Погода совсем испортилась. Подул сильный ветер, все небо заволокло тучами, пошел снег. Видимость стала не более, чем на пять метров. Благополучно миновав опасный траверс, мы продолжали спуск. Быстро темнело. С трудом можно было различить идущего впереди человека. Снег с каждой минутой становился гуще. Пройдя некоторое расстояние, мы поняли, что спускаемся по неправильному пути, новому и крайне трудному. Было настолько темно, что искать настоящую дорогу было совершенно безнадежно. У нас оставался единственный выход — дожидаться рассвета на том месте, где мы обнаружили нашу ошибку. Положение ухудшалось тем, что с нами не было не только спальных мешков и палаток, но даже фуфаек. Штормовые куртки были надеты прямо на тонкие рубашки.

Выбрав небольшую площадку под скалой, мы сели, тесно прижавшись друг к другу. Площадка была очень мала, нельзя было даже вытянуть ног. От мокрого снега штормовые куртки быстро промокли, и холодные струйки воды текли по телу. Бесперывная сильная дрожь сотрясала тело. Время тянулось бесконечно долго. Минутами мы впадали в забытие. Снег и ветер кончились, но температура резко упала. Ботинки и промокшая одежда стали замерзать. Пальцы рук и ног теряли чувствительность. Пульс падал.

Но вот из-за дальних хребтов блеснули первые лучи солнца. Туман вокруг восточной вершины Белухи стал рассеиваться. Смелые разведчики увидели, что накануне, во время снегопада, они заблудились. Теперь они сидели на узком гребне над Берельским ледником. Гребень, по которому им нужно было идти к месту спуска, находился за их спинами, на западе. Не хотелось двигаться. Только огромным напряжением воли разведчики заставили себя встать с камней. С трудом передвигали застывшие ноги. Дойдя до снежного ребра, альпинисты стали надевать «кошки». Пальцы рук не гнулись. Зубами помогали друг другу завязывать тесьму «кошек» на ботинках.

Густая непроходимая тайга окружает озеро Тагмское. Оно по праву считается одним из красивейших озер Алтая

Беселое солнце обогрело разведчиков и тем самым помогло им благополучно спуститься на седло. Только тогда Гуцин почувствовал, что пальцы ног обморожены.

На седле их снова накрыл туман.

— На пути от седла до Раздельного гребня мы останавливались раз пять, — рассказывал Гуцин в штабной палатке. — При хорошей погоде мы это расстояние прошли бы за один час. Туман заставил сидеть на снегу и ждать прояснений.

— Туман—самое неприятное в горах. Даже знакомые скалы выглядят какими-то призрачными, фантастическими. Подъем на Белуху чрезвычайно труден. Не знаю, как людей поведем. Будем еще искать путей в обход второго ледопада.

Подъем на Эльбрус, с высоты 2 200 метров до вершины — 5 629 метров, занимает около двадцати двух часов хода. Несмотря на то, что Белуха на 1 009 метров ниже Эльбруса, для восхождения на ее восточную вершину с высоты 1 940 метров до 4 620 метров требуется двадцать пять-двадцать семь часов.

Нам предстоит сделать трудное восхождение, а у нас на восемьдесят новичков только три опытных инструктора и один мастер. Но зато это люди бывалые, хорошие альпинисты.

...На лагерной улице было шумно. Пели песни, разговаривали с друзьями, разведчиками. Алтайцы-кочевники рассказывали, как они на склоне хребта, неподалеку от лагеря, убили медведя.

В восемь часов в долину спустился вечерний сумрак. Сразу стало прохладно. Западный склон Белухи еще два часа был освещен солнцем. Затем на него легли розовые блики. Они быстро исчезли, словно костры, залитые водой. Снежные поля на Белухе покрылись синей вуалью.

По долине тихо шла ночь.

САМОЛЕТЫ В ГОРАХ

3 июля.

На рассвете две группы разведчиков отправились к Раздельному гребню; во главе первой — Гетье, во главе второй — Афанасьев. Они ходили целый день, знакомясь с западным склоном гребня, по которому поднимались братья Троновы в 1914 году.

Гетье прошел по центральному потоку ледника Геблера до первых ледяных скал огромного ледопада, восхождение по которому совершенно невозможно, и повернул на восток, к западному склону Раздельного гребня. Перейдя через боковую подгорную трещину, Гетье со своей группой направился вдоль по склону, по снежникам. Он прошел по нижнему склону гребня дальше на юг, чем братья Троновы. Немного ниже перемычки, где лед с восточного потока переваливается на центральный, Гетье вышел на скалы и стал подниматься прямо вверх. Оказалось, что здесь путь гораздо интереснее, чем через второй ледопад восточного потока ледника и более безопасен, чем первый.

В лагерь Гетье вернулся сияющий.

— Путь найден! — воскликнул он.

Группа Афанасьева принесла с Раздельного гребня термометры, оставленные там проф. В. Сапожниковым. Это было совершенно недопустимым. Кроме того, открывая заржавевшие жестяные футляры, люди перевернули термометры, и от этого показатели сдвинулись.

В футлярах лежало несколько записок. Одна из визитных карточек Сапожникова покрылась ржавчиной и совершенно истлела. На обороте второй карточки все же можно было прочесть: «Оставил 19 июля 1898 года. На 15°C в 1 час дня».

Более поздние записки хорошо сохранились. Вот их содержание:

Первая. «...июля 1903 года. Здесь были П. В. Щепетов, В. В. Щепетов, С. А. Белевский, И. В. Геблер, О. В. Геблер (женщина). Проводники: Веналий Архипов, Прокопий Субботин. Оставили термометр максимум на $+15^{\circ}\text{C}$ в 8 час. утра».

Вторая. «19 июля 1914 года в 4 часа дня здесь были: Б. В. Тронов, М. В. Тронов. Проводники: Егор Матвеев, Митрофан Шестаков, Сейль-Хан-Джамаулов. Минимальный оставлен на 16° , максимальный—на 17° ».

Третья. «30 июня 1914 г. в 8 час. утра смотрели термометры учителя Барнаульского городского училища Н. В. Новиков и А. В. Лепехин. Проводник из с. Катанды П. Н. Субботин. Максимум $+16\frac{1}{2}^{\circ}$, минимум -16° ».

Четвертая. «26 июля 1914 г. здесь были: Б. В. Тронов, М. В. Тронов. Проводники: Сейль-Хан-Джамаулов, Баям Худобаев. Термометры: минимум $-17,5^{\circ}$, максимум $+29^{\circ}$. 26 июля 1914 г. в 10 час. утра поднялись на седло Белухи те же. В 3 час. 30 мин. поднялись на восточную вершину Белухи Б. В. Тронов, М. В. Тронов».

Этим исчерпывается список лиц, побывавших до революции на перемычке Раздельного гребня (высота над уровнем моря 3 096 метров). К этому остается лишь добавить экспедицию международного полярного года (1933 год), поднимавшуюся на седло, и группу Аболакова (девять человек), которая, спускаясь с восточной вершины и седла, проходила через Раздельный гребень.

Двадцать человек во главе с начальником штаба альпиниады А. И. Скляр ездили в долину Катунь оборудовать посадочную площадку для самолетов. Начальник штаба выбрал площадку в восьми километрах от лагеря, на левом берегу Катунь. Узенькая полянка на юге примыкает к крутому склону водораздела между Катунью и Берелью, а на севере, сразу за рекой, вздымаются острые вершины главного хребта. На этой полянке было сделано три прокоса, длиною в сто пятьдесят метров, да обкошены ближайшие камни. Вот и все «оборудование» этого «аэродрома». А кругом площадки — густое болотистое травье, яркие цветы, черные

«лбы» валунов и острые клыки скал. Остается догадаться, что площадка находилась на высоте 1800 метров. Воздух на такой высоте имеет гораздо меньшую плотность, чем на равнине, и потому разбег самолета должен быть длиннее. Видя эту площадку, люди, мало искушенные в авиации, сомневались в благополучной посадке самолетов. Но Скляр уверенно говорил:

— Сядут. Григоренко сядет. Я его знаю.

В лагере было шумно. Алтайцы — проводники и коноводы, запрокинув головы, смотрели в небо. Они вспомнили легендарную птицу Кан-Кередэ и оживленно заговорили о ней.

Подняться в воздух, парить наподобие птицы было заветной мечтой всех народов, как и мечта о плаваньи через моря. У алтайцев, как и у других народов, есть сказка о крыльях, сказка о том, как человек на спине птицы поднялся из каменной пропасти на воздух и пролетел над горами и хребтами. Иногда — это безымянная птица, иногда ее называют Кан-Кередэ. Вот как воспета эта птица в одной из алтайских сказок:

Отец птенцов Кан-Кередэ
В синее небо летел,
Юссузэка на спине своей
Под самые облака поднял;
То расстояние,
Которое человек в год проходит,
В один день отмахал;
То расстояние,
Которое человек в месяц проходит,
К половине дня пролетел¹.

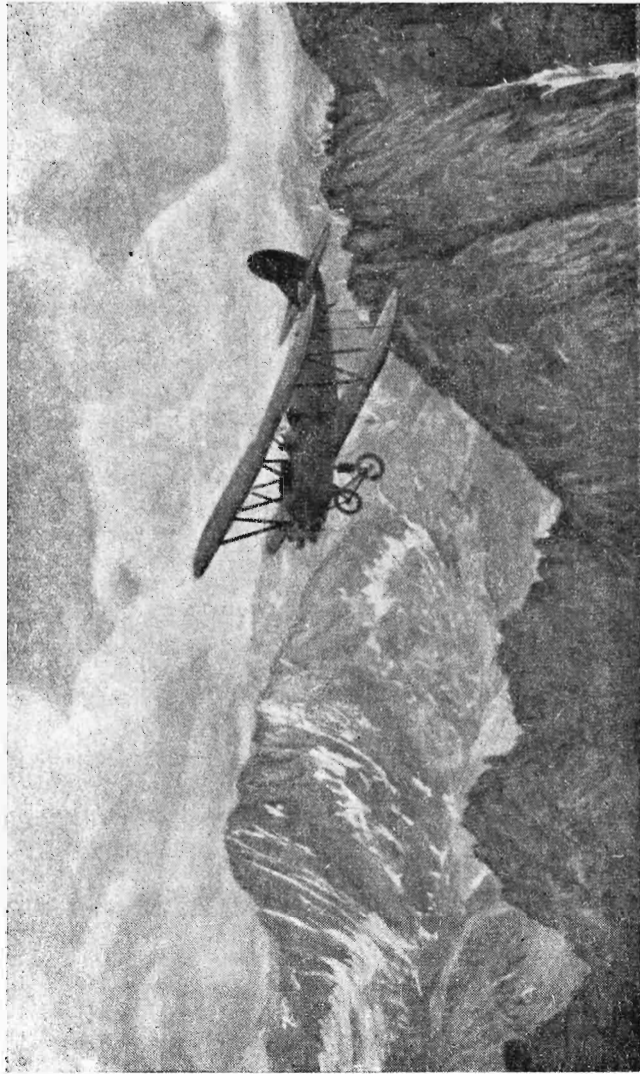
В другой сказке есть такие строчки о птенцах этой могучей птицы:

Младший птенец
Крыло свое через море протянул,
Немного до берега не достал.
Старший птенец
Через синее море
Крыльями взмахнул,
Кускун-Кара-Матыр
Через синее море
По птичьему крылу переправился².

¹ Из алтайской народной сказки «Юссузэка».

² Из алтайской народной сказки «Когутэй».

Над крутыми утесами скал, выше горных орлов парят советские самолеты, уиравляемые отважными сынами нашей родины.

На снимке: самолет альпинистов над Катунским хребтом. Слева — Белуха. (Снимок сделан со второго самолета.)

Наша молодая и крепкокрылая птица, имя которой — авиация, настолько сильна, что, взмахнув одним крылом, легко достает до противоположного берега моря, взмахнув другим — касается далеких долин за ледяными хребтами. Крыло этой могучей птицы распростерлось над вечными снегами Алтая и сегодня должно коснуться склонов гордой Белухи.

*

— Самолет летит! — крикнул дневальный.

Над хребтом, который отделяет систему реки Оби от притоков Иртыша, появился маленький биплан. Он летел с востока на запад.

— А вон второй показался!

Несколько южнее, не приближаясь к Катунь, в бирюзовом небе плыл другой самолет.

— Заметят или не заметят?

С высоты 3 700 метров наш лагерь можно было принять за одно из снежных пятен, тем более, что возле него на северном склоне хребта лежали снежные сугробы, а с востока спускался «язык» ледника.

Первый самолет уходил на запад. Второй круто повернул на юг и скрылся за шпильями гор.

— Поворачивает сюда!

— Заметил! Заметил!

Первый самолет несколько снизился, описал круг над нами и пошел вниз, по узкой долине Катунь. Ему было приказано сбросить выпел около метеорологической станции.

Через полчаса в лагерь привезли полотняный мешочек с кумачевым хвостом. Вымпел. В нем были письма и газеты. Получить у подножия Белухи свежие газеты было особенно радостно.

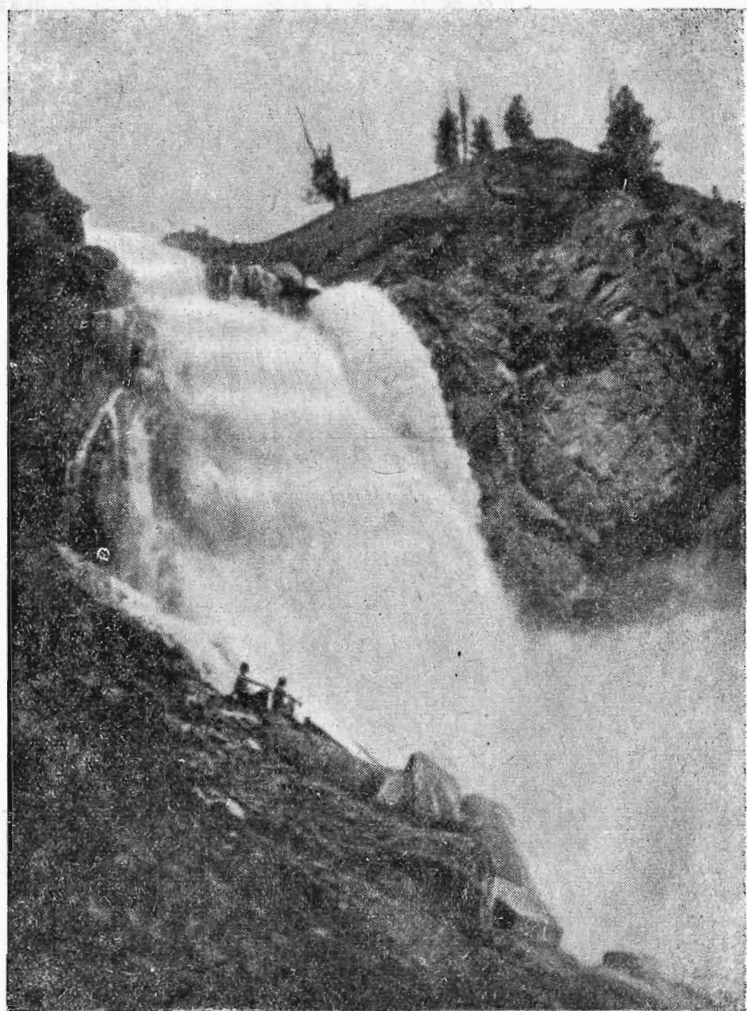
Штурман Мухин в короткой записке сообщал, что накануне они летали с северной стороны Белухи, засняли все три вершины ее и окружающие горы.

У входа в штабную палатку работала врачебная комиссия. У нас было три врача, тем не менее, осмотр девяноста человек занял почти два дня. Обстановка требовала особого внимания к каждому. Проверяли кровяное давление, внимательно выслушивали сердце.

На многих товарищей, впервые пришедших в горы, высота в 1940 метров уже подействовала: кровяное давление повысилось, пульс участился. Много оказалось таких товарищей, в карточках которых в Новосибирске эти же врачи писали: «Безусловно на вершину», а у ледника Геблера: «Допущен только до седла». Все думали только о полной победе над ледяным гигантом. Никто не хотел и слышать о восхождении до седла. Обиженные «строгим приговором» комиссии долго доказывали врачам свою выносливость, клялись в том, что они чувствуют себя прекрасно, но комиссия была неумолимой. Шести товарищам подъем был категорически воспрещен, пять человек получили разрешение идти до Раздельного гребня, сорок человек — до седла и только тридцать девять были зачислены в две группы, предназначавшиеся для штурма восточной вершины. В числе тридцати девяти почти не было людей, не имевших значка «ГТО». Среди них преобладали молодые люди в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, преимущественно командиры Красной армии.

В конце дня с Бард-Ахчаном пошли к водопаду Рассыпному. Я не был здесь восемь лет. За это время водопад несколько изменился. Прежде с правой стороны можно было проползти по скалам и встать под каменным карнизом позади водопада. Шумная водяная завеса отделяла человека от остального мира. Миллионы брызг рассыпались под солнцем радужным веером. Теперь падение стало отвесным. На секунду над нашими головами появлялись причудливые белые фигуры. Казалось будто мчатся сказочные аргмаки, стремительно прыгая через долину. Их серебристые гривы блестели на солнце. Потом вылетали фантастические лебеди, кувыркались высоко в воздухе и падали, как будто от выстрела, а белоснежный пух сыпался на наши плечи. Мы, промокшие до ниточки, сидели на прибрежных камнях, любовались буйным водопадом, слушали его мощный шум, в котором тонул самый громкий крик. Мы смотрели на ураганный дождь, осыпавший темнозеленые сланцы, и на водяную пыль, летевшую до самой Катунь. Забыли о времени, не заметили, как в долину спустился вечер.

Вот так же незаметно подойдет к Белухе осень. Ис-

Рядом за Катунью шумит самый живописный на Алтае водопад Рассыпной. Вода срывается с черных скал, летит тридцать метров вниз, далеко разбрасывая серебряные брызги.

сякнут ручьи, текущие с ледяных полей. И на месте шумного водопада, созданного Черным ледником, будут торчать запыленные снегом камни.

Когда мы вернулись в лагерь, Иван Артемьевич обратил внимание на легкую вуаль, спустившуюся до седла, и многозначительно добавил:

— Белуха курится, — непременно будет дождик.

Через четверть часа на западной вершине появилась белая облачная шапка. А еще через двадцать минут над долиной собрались тучи и пошел мелкий дождь.

Незадолго до начала дождя прибыли последние научные отряды. У штабной палатки выстроились все восемьдесят четыре человека. Красный флаг взметнулся над лагерем. В десять часов завывала сирена — пора спать. В палатках погасили огни. Лишь изредка по улице проходил дежурный с винтовкой за плечами.

4 июля.

Сегодня день учебы.

Слушали лекции Гущина и Гетье о снаряжении альпиниста и о технике восхождения по снежным и ледяным склонам. Учились пользоваться веревкой и привязывать «кошки» к ботинкам.

После обеда на полянке между палатками открылось комсомольское собрание. Комсомольцы просили, чтобы им было поручено нести до вершины бюст товарища Сталина и знамя Ойротского обкома партии.

— До перемычки Раздельного гребня бюст товарища Сталина понесет секретарь парторганизации Исупов, — сказал Долгих, — а от Раздельного до вершины понесете вы.

Собрание выделило для этого особую комсомольскую связку. Ледниковый отряд научных работников отправился к «языку» ледника. Они должны были определить, на сколько метров ледник отступил за последние годы.

Изучение ледников — дело чрезвычайно важное. Они определяют режим рек и влияют на климат. Воду, данную ледниками, реки несут за тысячи километров в степи, в поля. Алтай породил одну из длиннейших рек мира — Обь. В восемнадцати километрах от Бийска

мутная Катунь встречается с прозрачно-зеленой Бией, несущей воды свои из самого большого на Алтае озера Телецкого. От этого слияния начинаются обские водные просторы. Катунь собирает воду почти со всего Катунского хребта (только Берельские ледники отдадут свои воды Иртышу), с Чуйских альп и даже с далекого Табын-Богдо-Ола. Когда тают снега и ледники алтайских гор, в Оби начинается летний паводок, иногда по многоводности превосходящий весенние паводки. Если на Алтае зима была особенно снежной, летом Обь выйдет из берегов.

Ледники — это огромные хранилища спящей воды. Каждое лето жаркое солнце будит воду. Ледяные поля оживляются журчанием миллионов ручейков, шумом веселых водопадов, грохотом бурных рек. Но даже и в это время с высоких вершин ползут вниз свежие снега.

Алтай богат такими хранилищами. На советском Алтае известно 570 ледников. Льдами покрыто 460 квадратных километров. Половина этой площади — на Катунском хребте. На одной Белухе 69 квадратных километров льда. С этого сибирского Монблана спускается тридцать два ледника. По самым скромным подсчетам, здесь залегают около 10 миллиардов тонн снега и льда.

С Белухи сползает шесть больших долинных ледников: на юг ледник Геблера — 13 квадратных километров, на север ледник Родзевича (Ак-Кемский) — 10 квадратных километров, на северо-запад ледник Мушту-Айры — 12,5 квадратных километра, на юго-восток ледник Больше-Берельский — 14 квадратных километров. На северо-восток сползает самый мощный и меньше всех изученный ледник Мен-Су — 16,5 квадратных километра, от западной вершины спускается к долине Катунь ледник Черный — 3 квадратных километра.

Алтай пережил не менее трех ледниковых эпох. В глубокой древности льды со склонов Белухи ползли по долине Катунь до самой равнины. Следы работы ледников видны на каждом шагу. Это древние морены — большие террасы из песка и гальки — и огромные валуны, принесенные ледниками издалека.

Но вот земля вступила в период потепления. Льды

Здесь, у ледника Гейлера, берет свое начало одна из красивейших рек Алтая — Катунь.

начали отходить. В верхней долине Катунь хорошо видны этапы отступления. В семи километрах от ледника Геблера долина сжата гигантской мореной. Здесь когда-то был «язык» ледника. Потом Белуха подняла свой ледяной «язык» до так называемой горки Геблера, сложенной из камня и щебня и теперь уже кое-где покрытой вереском и стелющимися кедрами. Когда-то на этом месте был каменный вал поперек всей долины. Но два бурных потока Катунь прорвали его возле краев, а на середине остался холм высотой двенадцать-пятнадцать метров. Это и есть горка Геблера. Выше ее морены напоминают волны. Каждая волна соответствует определенному периоду отступления льдов.

Ледник Геблера чаще посещался исследователями, чем другие ледники Белухи, и здесь лучше всего проследить отступление льдов за последние сорок лет.

В начале XX века проф. В. В. Сапожников писал об этой ледяной реке:

«Наблюдая Катунский ледник три раза (в 1895, 1897 и 1898 годах), я не заметил каких-нибудь серьезных изменений в положении его нижнего конца: камень, засеченный в 1897 году против выхода правого истока Катунь, через год не изменил своего относительного положения. Но зато совершенно ясно заметно утончение нижнего конца ледника; будет ли оно иметь своим ближайшим результатом отступление, — это конечно вопрос будущих наблюдений».

Вскоре ледник снова начал отступать. Это означало, что свежий снег давал льда меньше, чем сгоняло солнце в течение каждого лета. К 1911 году ледник отступил на 243 метра. Следующие пятнадцать лет дали еще 202 метра. С 1926 года по 1931 год «язык» ледника отодвинулся еще на 57 метров.

А. Мако удалось найти камни с отметками экспедиции второго международного полярного года (1933 год). Промеры показали, что за 1 год 9 месяцев и 24 дня восточный конец ледника отступил на 40,7 метра, а в районе западного истока реки Катунь отмечены признаки частичного наступления.

В 1880 году Н. М. Ядринцев писал, что недалеко от подножия Раздельного гребня «сходились главные три ледопада». Через пятнадцать лет проф. Сапожников на-

шел также три ветви ледника Геблера, но о существовании третьего ледопада он даже не упоминает. Очевидно, этот ледопад к тому времени уже исчез. Исследователь записал лишь, что центральный ледниковый поток «по пути принимает справа раздвоенный западный поток». К настоящему времени западный поток потерял всякую связь с центральным потоком и превратился в самостоятельный ледник. Это — лишнее свидетельство отступления льдов.

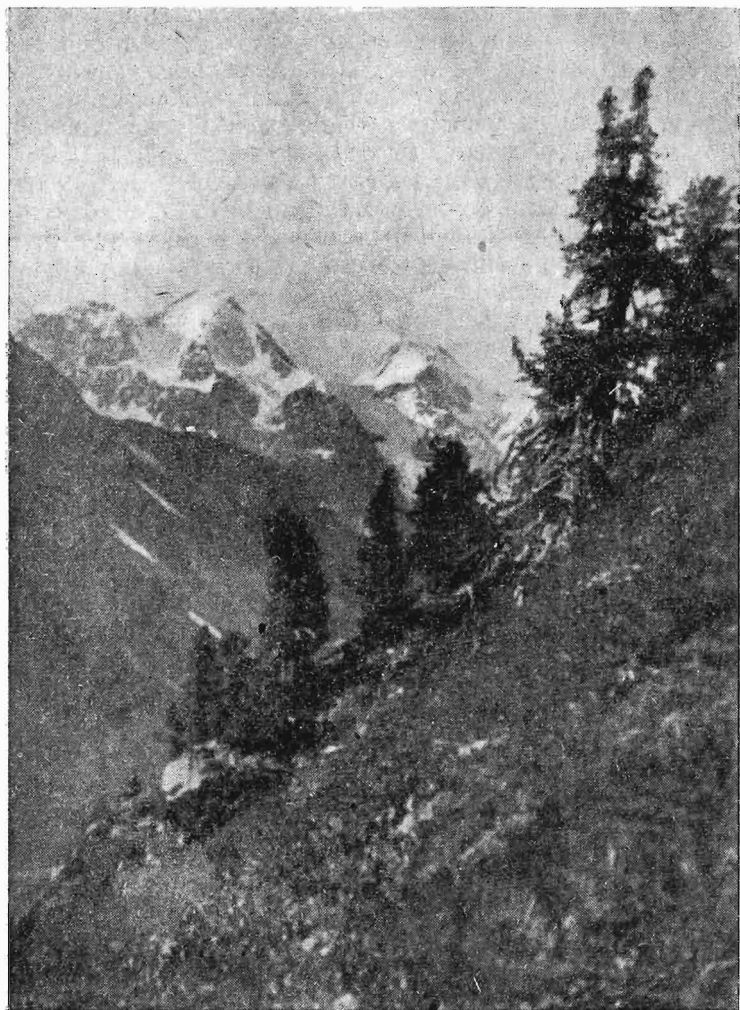
В 1933 году на правой береговой морене в 400 метрах от конца ледника был отмечен камень и от него проложена контрольная линия длиной в 352 метра до средней морены. На камнях были сделаны пометки масляной краской. Теперь эти камни оказались гораздо ниже (по течению) контрольной линии и свидетельствуют о том, что в средней части ледника за два неполных года лед сполз на $54\frac{1}{2}$ метра. Чем ближе к краю, тем течение медленнее. Вот почему на ледниках встречаются лукообразные трещины и такие же ледяные волны.

В том же 1933 году в $2\frac{1}{2}$ километрах от конца ледника была проложена вторая контрольная линия длиной в 555 метров. Она начиналась также на правой береговой морене и оканчивалась на восточном потоке. На линии было десять камней. Она была восстановлена по вехам — девяти камням. Здесь лед подвинулся на 75 метров. Движение льда здесь быстрее, потому что на эту часть ледникового поля давят два грандиозных ледопада.

На тех же участках ледника теперь заложены новые контрольные линии.

От высоких скал, издалека, ледник несет в долину камни, улавливающие на его белую спину. Так растут морены. Они как бы раскрывают горы перед пытливыми путниками. Вот почему наши геологи тотчас же по приезде в лагерь отправились к моренам. Они вернулись оттуда с целой коллекцией камней.

Альпинисты весь день рассматривали в бинокль крутые склоны Белухи. Издали ледник казался пестрым: снег голубовато-белый, лед на месте недавних трещин и обвалов — светло-голубой, в изгибах и морщинах, где лежит камень и щебень — грязносерый. Были

...Альпинисты весь день рассматривали в бинокль крутые склоны Белухи. Издали ледник казался пестрым: снег голубовато-белый, лед на месте недавних трещин и обвалов—светлоголубой...

На снимке: вид на Белуху с Берельского водораздела.

даже розовые участки — там в снегу было много микроскопических водорослей.

Вечером лагерь любовался горой. Яркие краски менялись буквально каждую минуту. Над долиной небо было светлоголубым, а на вершинах Белухи лежала черная туча, обрывки ее опускались до седла. Рядом, на хребте, появилось небольшое черное облако. Вскоре на него упала огненная капля солнечного луча. Облако запылало. Туча над Белухой стала легкой и светлой. Под ней ярким огнем горело седло и склон вершины, как будто виден был огонь и дым. Вдруг пожарище потухло, и на месте его появилось окно бирюзового неба. Через несколько минут туча над хребтом погасла, и Белуху закрыл белый облачный занавес.

СНЕЖНЫЙ ПОХОД

5 июля.

Завтра в пять часов первая группа должна выступить из лагеря. Все люди разбиты на связки — по четыре человека. Вершковы зубья стальных «кошек» наточены, ботинки промазаны и просушены, рюкзаки пригнаны, груз распределен: одни понесут сухари, другие — консервы, третьи — сыр и колбасу, четвертые — примуса и бензин. Мне Гуцци положил в рюкзак ящик с конфетами «Памир» и коробку шоколада. Мы пойдем на три — четыре дня. Необходимо поднять наверх палатки, теплые белье, спальные мешки, крючья, веревки. С нами пойдут «киноребята». Они понесут киноаппарат, треножник, пленку. Их личные вещи лягут дополнительным грузом в наши рюкзаки. У каждого за плечами — по полтора пуда. Это будет затруднять подъем. Если бы не груз, подниматься было бы раза в три легче.

Над лагерем пролетели самолеты. Все с нетерпением стали ждать летчиков. Ведь они привезут нам свежие газеты, письма, волейбольный мяч и сетку. Только через полтора часа кожаные авиационные шлемы показались над зарослями полярной ивы. Мы выбежали на маленькую лужайку перед палатками. Перед нами остановились всадники в кожаных пальто.

— Привет отважным летчикам!

Один из них, высокий и сухой, с продолговатым смелым лицом, сдернул с головы шлем, на широком лбу колыхнулись русые кольца волос. Он приподнялся на стременах, произнес несколько приветственных фраз, а потом вскинул руку, и над нашими головами, подобно белым голубям, пролетели листовки — письмо крайкома ВЛКСМ «к комсомольцам и всей молодежи, штурмующей Белуху».

«Крепких, закаленных высокогорным ветром и холодом, борьбой с опасностями и препятствиями, беззаветно любящих родину и готовых к новым боям за ее процветание и величие, — ждем вас, товарищи, из похода. Любовью и радостью встретит вас трудящаяся молодежь края».

Стаи этих листовок опускались на алтайские села и деревни, над которыми пролетали самолеты.

В палатках зашуршали листы свежих газет. В штабной палатке летчик Мухин рассказывал о полете:

— Как только поднимешься над Иней, сразу же видна Белуха. Но лететь прямо к ней мы не можем: потолок самолетов «У-2» только 3 700 метров. Мы летим по Катунь, потом поворачиваем по ущелью реки Аргута. Плотность воздуха здесь неравномерная. Все время бросает то вверх, то вниз на полтора-два метра. Потом мы пролетаем через каменное и ледяное окно: с одной стороны — Кара-Оюк и Белуха, с другой — тоже какие-то высокие вершины, а внизу — нагромождения ледника Мен-Су. Это один из самых больших ледников на Кату́нском хребте. Если с вершины Белухи и Кара-Оюка на вершины тех гор лягут облака, будет полное впечатление окна. Потом мы перелетаем через южное плечо Белухи. Сдаст мотор, садиться некуда. Кругом зубья скал...

Повариха принесла ведро супа. Альпинисты и летчики уселись вокруг него на брезент.

Летнаб Гушин залез в спальный мешок: его трясла малярия, температура была около сорока. Но он часто высовывал голову из мешка и настаивал:

— Надо лететь.

— Лежи. Куда ты с температурой, — тихо говорил командир летного звена Григоренко.

Но летнаб продолжал уверять:

— Ничего. В воздухе будет лучше.

Тем временем пошел дождик и летчикам пришлось остаться на ночевку в лагере.

Перед закатом солнца Белуха снова нахмурилась. Белые склоны вершин вдруг стали малиновыми. На водоразделе между Катунью и Берелью опять загорелось облачко. Вскоре с севера, с Ак-Кемского ледника, выползли серые облака; сначала они окутали верши-

ны, а затем грязной ватой пали на седло. В сумерки тучи спустились до Раздельного гребня и, огибая его, начали переваливаться через острые шпильки на Берельский ледник. С запада свинцовая туча легла на вершины гор и закрыла половину долины. Только над самым лагерем мерцало несколько звезд.

— Забуранила Белуха, завтра никуда не сунетесь, — говорил Иван Артемьевич.

В восемь часов гудок сирены. Завтра в три утра — подъем. Перед трудным походом люди должны хорошо отдохнуть.

6 июля.

Было еще совсем темно, когда возле штабной палатки тревожно завывала сирена. Люди на минуту приподняли головы, прислушиваясь, а потом спокойно застегнули на себе спальные мешки: на брезент палаток падали мелкие капли дождя.

Дежурный бегал между палаток и кричал:

— Вставай! Вставай!

Гущин откинул полу палатки.

— Зря поднимаешь людей: в такую непогоду идти нельзя.

На рассвете в штабную палатку прибежал «наш Кренкель», старший радист — Шве́ц.

— Песня получена. Вот читайте.

Помполит Житловский, не вылезая из мешка, прочел «Походную альпинистскую», написанную поэтом-комсомольцем Вас. Непомнящих. Внизу была приписка: «Петь на мотив «По долинам и по взгорьям».

В дождливое утро в палатках, занятых молодежью, гремела песня:

В голубых горах Алтая
У походного костра
С нами песня молодая —
Наша верная сестра.
С нами выдержка и смелость,
Мужество большевиков.
Верим, — все на скалах белых
Будем выше облаков!
Мы возьмем твои просторы,
Легендарный Катун-Баш, —

Не боятся льдов и штормов
Командир отважный наш.
Он громил отряды белых
В огневой походный год.
За его плечами смелый
Яломанский переход.
А сейчас разведкой мирной
Нас ведет он по торам,
Чтоб чудесный край обширный
Все богатства отдал нам.
В голубых торах Алтая,
В льдах, в потоках буйных вод
Учит нас и закаляет
Горный, дерзостный поход.
Чтоб потом, когда коварный
Враг пойдет на нас войной,
Мы с геройством легендарным
Отстояли край родной.
По чудесному Алтаю
Вылпе тор и скал крутых
Вейся, песня боевая
Альпинистов молодых!

Молочные тучи закрыли горы на целый день. В маленькое «окно», появившееся на минуту, мы увидели, что на скалистый гребень между Катунью и Берелью лег свежий снег.

— Это на молодой месяц занежало, — сказал Иван Артемьевич.

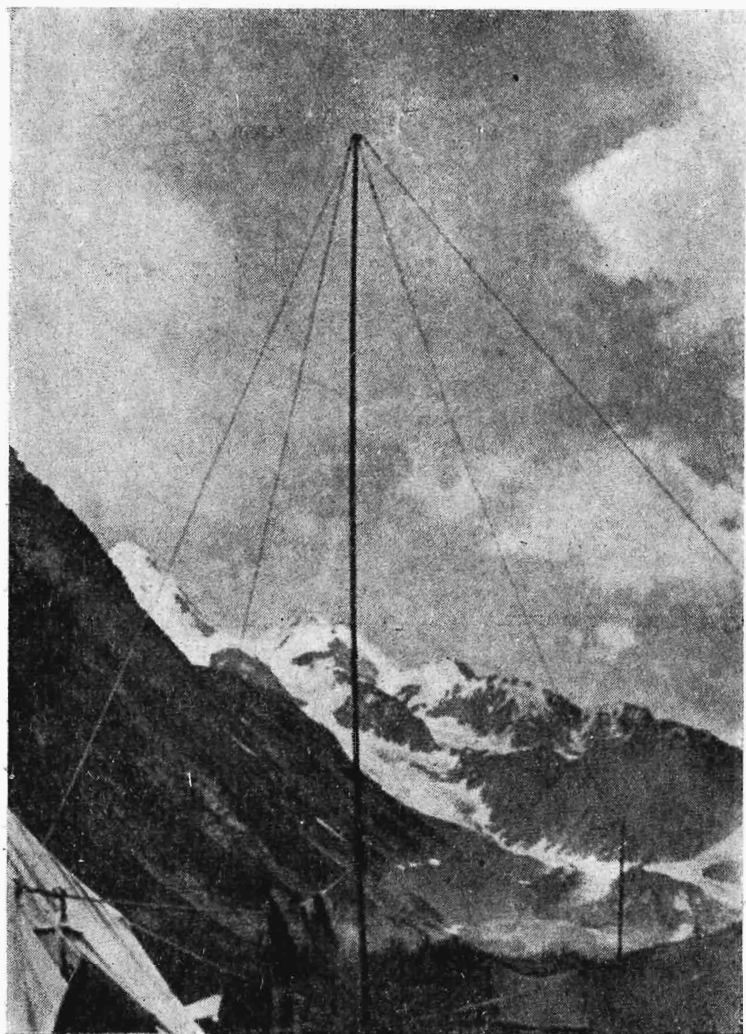
По данным метеорологической станции «Катунь», расположенной в семи километрах от ледника Геблера, в июле у Белухи бывает от четырех до десяти ясных дней, в августе — от трех до восьми. Июль и август — лучшие месяцы для восхождений.

На нашем острове появились лужи. В некоторые палатки натекла вода.

Только к вечеру на небе появились просветы.

7 июля.

К семи часам утра на небосклоне остались только рваные белые облака. Мы решили выступить в поход. Между палаток — шеренга. Переключка по связкам. В связки люди подобраны по росту. На правом фланге стояла связка Гетье, в которой были Долгих и еще два рослых товарища.

Впервые у подножья Белухи радиоты-участники альпиниады оборудовали свою радиостанцию. Через гребни гор и таежные леса они поддерживали связь со всей страной.

— Итти в таком же порядке, в каком стоите сейчас. Не набегать и не отставать, — предупредил Гуцин. — Первой пойдет моя связка.

Он повернулся лицом к Белухе и пошел. Мы широко шагнули, обходя связку Гетье, а потом как бы споткнулись: впереди медленно шел мастер. Вначале этот короткий, мерный шаг удивил меня, а после я вспомнил, что накануне Гуцин говорил:

— Медленный темп в горах — залог успеха. Надо итти так, чтобы не нарушалась равномерность дыхания.

До самого ледяного «языка» нас провожали цветы — водосборы, огоньки, незабудки. Альпийский мак на прощанье кивал легкой золотистой головкой. Одиночка-борщевик протягивал свои лопухи. Среди камней морены показались листки карликового иван-чая, между ними виднелись малиновые капли цветов.

Вот и ледник. Высота 1920 метров над уровнем моря.

Мы все время шли, придерживаясь левой береговой морены. Гроты — эти грязные ледяные пещеры, из которых вырывается мутная Катунь, — остались влево. Впереди нас — ледяной мыс, высотой метров тридцать. У его подножья — первый привал на десять минут. Я скинул рюкзак, чтобы подойти к ручью, и сразу же резко покачнулся: все движения тела до этого мгновения были рассчитаны на тот груз, который находился за плечами.

Высоко на крутых склонах ясно были видны пояски из камня — это верхний край боковых морен. В древности ледник поднимался до этих поясков.

После отдыха вереница людей молча стала подниматься на белый ледяной мыс. Штыки ледорубов с легким звоном опускались на лед.

Мы на нижнем ледниковом поле. Длина его более трех километров, ширина около слияния восточного и центрального потоков достигает километра. Длина всего ледника по центральному потоку — восемь километров. Восточный поток длиннее, так как он огибает Раздельный гребень.

Через полтора часа — привал на камнях, которых много на широком ледниковом поле.

И каких только камней тут не было! Серые и зеленые, бурые и темномалиновые, ржавые и черные, как уголь. У наших ног журчали десятки серебряных ручейков. На чистом льду капли воды блестели, словно бриллианты. Возле средней морены — каменной полосы — из ручейков собиралась речка и неподалеку от нас с грохотом падала в ледяной колодец. Где-то близко на льду шумели водопады. Над нашими головами быстро пронеслось последнее серое крыло тумана и круто взлетело к седлу. От привала начинался подъем к нижнему ледопаду: между двух каменных стен гигантскими ступенями круто спускалась ледяная лестница. Казалось, что по ней только что прошел великан в грязных сапогах: на светлозеленых ледяных ступеньках виднелись как бы огромные следы.

Вскоре после привала мы пересекли несколько первых ледяных бугров и впадин и оказались у подножия огромного ледопада, на центральном потоке ледника. Отсюда надо было повернуть вправо, чтобы обойти трещины и подняться к снежным «языкам», спускающимся с западного склона Раздельного гребня. Комсомольцы, проводжавшие нас, пошли вниз, а мы под нависшей над нами ледяной стеной спустились в ущелье, где лед был перемешан с мелким щебнем. Опираясь левой рукой и ногой о серый каменный «лоб» валуна, а правой рукой и ногой о ледяную стену. Гуцин вылез из ущелья. Он на веревке втащил меня, а я, в свою очередь, поднял наверх врача Майданова. Так поднимались связка за связкой. Дальше один маленький разорванный снежный мостик через трещину, и мы оказались на снежнике. Склон здесь настолько крутой, что сразу же пришлось надевать «кошки».

Длинная цепочка людей растянулась по фирну. От одного человека до другого семь-восемь метров. Желтая веревка из манильской пеньки касалась снега. Зубья «кошек» впивались в твердую снежную корку. На ледяных прожилках Гуцин рубил ступеньки. Над его головой сверкало острие стального ледоруба. Блестящие ледяные осколки взлетали в чистый воздух и падали к ногам мастера.

Еще недавно мы из лагеря смотрели на эти снежные «языки». Они казались нам крохотными. А теперь це-

ред нами открылись обширные снежные поля, пересеченные песколькими глубокими трещинами. Подъем крут и труден. Фляги с водой давно опорожнены, а снег плохо утоляет жажду.

На втором «языке» подъем оказался еще круче — ноги приходилось ставить «елочкой».

На пути встретилась длинная трещина. Мы были вынуждены свернуть в сторону и обойти ее вдоль по склону.

Больше четырех часов мы шли по снежникам, а конец последнего «языка» все еще был далеко. Он упирался в черные скалы, по которым нам предстояло карабкаться прямо вверх метров четырехста, чтобы попасть на вершину Раздельного гребня. Слева немного выше нас перемычка, где часть льда с восточного потока ледника переваливается на центральный поток. Там стоят ледяные скалы высотой в сорок-пятьдесят метров. Когда семь часов тому назад мы смотрели на них из лагеря, скалы выглядели невысокими белыми ступеньками.

Нагромождение черных и темносерых камней, разрушающиеся выступы скал — таков Раздельный гребень. У подножия его на камнях прилепились едва заметные звездочки белых цветов.

Мелкий камень расползается под ногами. Ухватившись рукой за выступ в твердой уверенности, что это скала, а окажется, что это только камень, который может свалиться вам на ноги или на голову товарищу. Лишь изредка нога попадает на твердую почву. Крошечный камешек, сваленный неосторожным движением, увлекает за собой десятки других камней. Эти камнепады представляют серьезную опасность при подъеме на Раздельный гребень, особенно, когда поднимается большая группа новичков. По склону, достигающему 70° камень несется с ужасающей быстротой; ударившись о скалу, он рикошетом взлетает на пятнадцать-двадцать метров и падает с еще большей силой. От удара он раскалывается, рассыпая искры и подымая клубы каменной пыли. Здесь приходится особенно внимательно выбирать, куда поставить ногу, за какую глыбу ухватиться. В то же время пужно напряженно следить за веревкой. Одно неосторожное движение — и ве-

ревка сорвет камень с едва заметного уступа в скале. Особенно велика ответственность у передних связок.

— Это разве скалы? Здесь итти легко, — ободрял Гуцин на каждом привале. — Вот на гребне восточной вершины, там значительно труднее.

Он тщательно отбирал людей в первую связку для дальнейшего подъема, не полагаясь только на акт врачебной комиссии.

На половине пути по скалам мы вдруг слышали журчание ручейка. Эта веселая музыка низвергающейся с камня на камень крошечной струйки воды была особенно приятна.

— Здесь всем набрать воды, — передали по цепи распоряжение мастера.

Мы раскидали в стороны мелкие камни, сделали углубление, чтобы можно было зачерпнуть полкружки, утолили жажду, налили воды в фляжки и опять полезли прямо вверх по каменной лощинке.

— Ближе вершина гребня, — подбадривал Гуцин.

Горы обманчивы. Смотришь вверх, и кажется, что острый камень над головой — последний, а поднимаешься на него, и опять какой-нибудь выступ скалы пригнешь за вершину гребня.

— Осталось не более пятидесяти метров, — говорит мастер.

Он видел, что люди уже устали. Ведь мы шли десять часов и поднялись на целый километр выше нашего лагеря.

Наконец показалась вершина гребня. Камень здесь напоминал нагромождения обломков льда на берегах рек во время бурного ледохода. Мы перелезли через последние острые зубцы и встали на снег. Перед нами открывался второй ледопад восточного потока, разорванный сотнями трещин. Над этим ледопадом — снежный навес, прилепившийся к восточному склону Раздельного гребня на уровне его вершины. Мы прошли по навесу к месту ночевки — самому удобному участку возле перемычки. Вершина гребня здесь настолько узкая, что поперек ее можно поставить только одну палатку на трех человек. Снежный карниз у самого изголовья, а ноги над крутым обрывом центрального потока ледника.

Высота 3 096 метров. Здесь уже не бывает дождя, — в непогоду падает только снег. Вчера, когда в долине шел дождь, эти камни покрылись свежим снегом. Сегодня солнце согнало снег с камней, но на карнизе он еще уцелел.

Мы с Майдановым и Соболевым сразу же занялись устройством площадки для ночлега. Возле плиты, под которой лежали термометры, мы набросали мелких камней. Рядом свою палатку разбили шахтеры, устроившиеся на ночлег на узеньком выступе второй скалы.

— Как бы ночью не забыть, где ночуем, — беспокоился один из них. — Повернешься неосторожно и окажешься на пятьсот метров ниже, чем лег.

На камнях всем места нехватило. Несколько палаток было раскинуто на снегу.

По горам пронесся ветер. Пришлось примусы разжигать в палатках. Все фляги уже были опорожнены. В котелках медленно таял снег.

На ужин получили сухари, печенье, мясные консервы, сгущенное молоко, сыр, колбасу, сахар и шоколадные конфеты. После ужина сразу же легли спать, хотя солнце еще было над горами.

Гущин лег на открытом воздухе. Оказывается, на высоте 3 000 метров в ясную погоду лучше спать на открытом воздухе, чем в палатке. Вскоре мы, новички, убедились в этом. Мы долго не могли заснуть. Вертели с боку на бок. Чувствовали, что дышать здесь тяжелее, чем внизу, в лагере. Немного болела голова. В полночь я прикоснулся к потолку палатки. Он был покрыт крупными каплями. Прорезиненное полотно плохо пропускало воздух. Нам было душно. Я расстегнул дверку палатки и высунул голову. Холодный ночной воздух приятно обдал лицо, и я сразу же уснул.

Ночью мы часто просыпались. Через каждые десять-пятнадцать минут неподалеку от нас грохотали обвалы, напоминая артиллерийскую канонаду. Огромные снежные и ледяные лавины пили с западной вершины на центральный поток и с купола, что над Раздельным гребнем, и с южного плеча восточной вершины на восточный поток ледника. Я вспомнил, что двумя днями ранее от нижнего ледопада прибежали в лагерь наши ребята.

— Землетрясение было, — испуганно сообщили они. — Все кругом тряслось и был сильный шум. Вы слышали?

В лагере никто не ощущал ни малейшего колебания почвы, и лишь некоторые товарищи слышали отдаленный гул.

Большой обвал был принят за землетрясение.

Теперь обвалы грохотали вблизи. Все знали, что ни одна лавина не коснется вершины Раздельного гребня, и все же многие из-за шума не спали.

В четыре с половиной часа утра раздалась команда: — Вставай!

Рассветало. Далеко на горизонте темносиняя полоса, выше ее — узкий малиновый пояс, а над головами — бледноглубокое небо. Постепенно вырисовывался горизонт. В синих долинах «паслись» белые барашки облаков.

В Катунской долине лежал предрассветный полумрак, а восточный склон западной вершины уже был позолочен солнечными лучами.

Опять зашипели примусы. На завтрак все получили сухари, печенье, колбасу, сыр, сахар, конфеты, шоколад.

На Раздельном состав связок несколько изменился. Следом за Гущиным пошел Гетье, так как на опасных местах мастера должен был охранять опытный товарищ. Позади Гетье шел я. Первую связку замыкал врач Майданов. За его плечами была связка палочек с красными флажками, которые он должен был укреплять возле опасных переходов через трещины.

Мы вышли в шесть часов. Все одели шерстяные свитеры и брезентовые штормовки. Было довольно прохладно. Под ногами — твердая корка снега, на которой едва отпечатывались следы «кошек».

Недалеко от места ночлега мы пересекли снежный гребешок и попали в лабиринт глубоких трещин, над которыми кое-где висели тонкие снежные мостики.

Посмотришь в светлозеленую трещину — дна не видно. На ледяных скалах — блестящие выступы, бесчисленные сосульки. Попадают трещины глубиной в двадцать-тридцать метров и самой различной ширины. Одни из них можно свободно перешагнуть, другие —

перепрыгнуть, третьи — перейти по мостикам, а четвертые приходится обходить. Это уже не трещины, а целые ущелья. Некоторые трещины разрывают ледники: чуть не во всю ширину, напоминая городские улицы. Две-три трещины походят на котлованы для возведения многоэтажных домов. Причудливые ходы соединяют одну трещину с другой.

Чтобы попасть на верхний ледниковый склон, надо пройти лабиринт трещин у его западного края. Слева, под перемычкой, расположен гигантский белый цирк¹: снежные рубцы напоминают ряды для зрителей. Впереди — величественный черный купол скал, на который как бы падает гигантская снежная шапка. Он является продолжением Раздельного гребня и примыкает к седлу.

Многие узкие трещины были покрыты снегом. Возле них Гуцин останавливался на несколько секунд, прощупывая глубокий снег ледорубом. Найдя трещину, он пробивал в снегу отверстие, опускался на колени и заглядывал вниз: проверял, крепок ли мостик. Потом он ровным, спокойным голосом говорил:

— Александр Федорович, я пошел.

Гетье вслед за ним постепенно опускал веревку, чтобы в случае провала мостика сразу же удержаться друга.

Но вот Гуцин уже по ту сторону трещины. Я становился на место Гетье и также опускал за ним веревку, а Данило Иванович свою часть веревки сматывал. Мы охраняли инструктора с двух сторон.

Иногда Гуцин прыгал через трещину и Гетье так же опускал за ним веревку.

Часто мастер качал головой и тихо бросал:

— Неприятная трещина.

Потом он шел вправо или влево в поисках более надежных мостов.

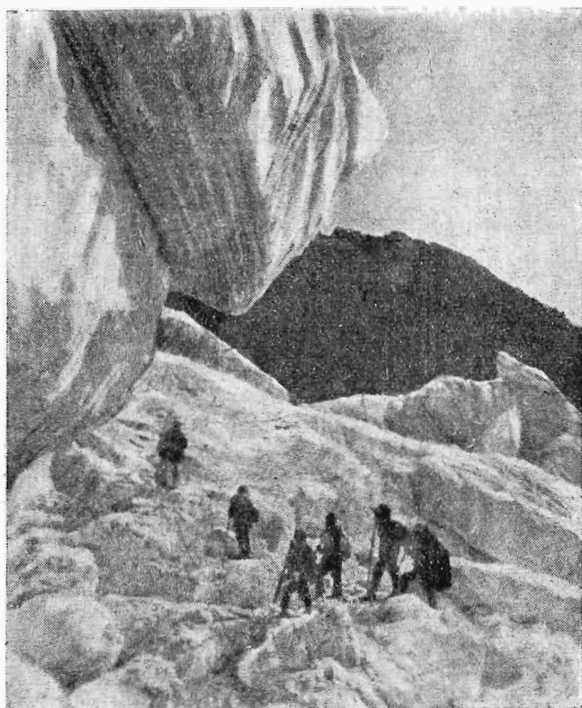
Наконец лабиринт пройден. Мы круто повернули вправо, прошли под куполом и оказались почти на середине ледника. Ледник сжат каменными «челюстями». Скалы отвесны и суровы. В темносером камне — ржа-

---

¹ «Цирком» альпинисты называют скалы и ледяное или снежное плато, напоминающее амфитеатр.

вые прожилки. В выемках скал — белые пятна, снежные навесы. С обеих сторон — широкие дороги лавин.

Вскоре подошли к крутому ледяному «лбу». Гущин начал рубить ступеньки. «Киноребята» бежали с алптаром и кричали, чтобы мы их подождали.

Неприступные ледяные скалы и огромные трещины охраняют подступы к вершинам Белухи. На снимке: альпинисты у крутой ледяной скалы перед подъемом на вершину Белухи.

Выше «лба» начался настолько крутой снежный склон, что прямо идти было нельзя. Наша тропа извивалась змейкой.

Мы придерживались больше западного края ледника, где трещин было меньше.

В восемь часов подошли к широким полям, освещенным солнцем.

— Одеть очки, — передали по цепи команду мастера.

В тени снег густоголубой, а на солнце голубовато-серебристый. Цвет его был настолько ослепительный, что смельчак, рискнувший не надеть очки, мог лишиться зрения на одну-две недели.

На солнце нам сразу стало жарко. Многие сбросили брезентовые штормовые костюмы и шерстяные свитры, оставшись в одних легких рубашках.

Пламенное солнце плыло над горами. У альпинистов сохли губы, горели щеки. Не спасали ни вазелин, ни глетчерная мазь. Буквально за несколько минут на щеках появились солнечные ожоги.

Снег размяк. Тонкие, легкие альпинисты проваливались по колена, а Гетье и Долгих увязали по пояс. Итти стало много тяжелее, чем ранним утром.

— Надо выходить с Раздельного гребня не позже четырех часов утра, чтобы подняться на седло по твердому снегу, — сказал мастер.

Связки растянулись далеко. По ближайшим к нам ледяным увалам шли только двенадцать человек. Остальные были еще за белыми скалами.

Через несколько минут снизу долетел голос Долгих: — Сейчас даем ракету.

В лагере мы условились, что через каждые шесть часов будем пускать ракеты: если зеленая — все благополучно, красная должна была означать несчастье. Дневальным было поручено следить за нами в бинокли.

Искристая зеленая звезда взлетела высоко. Нам казалось, что в лагере не могли не заметить ее. Но позднее мы узнали, что дежурные не видели ни одного нашего сигнала. Мы находились на далеком расстоянии от лагеря. Наши палатки походили на белые точки.

На широкой снежной ступеньке устроили первый большой привал. За снежным логом возвышалась пятидесятиметровая снежная скала. На ней были видны многолетние слои снега. Южные карнизы ее украшены множеством ледяных сосулек. Мы подставили под них кружки и набрали воды.

На юге развернулась величественная панорама. Два дня тому назад горы, окружающие Катунь, казались нам высокими. Теперь гребни их лежали далеко внизу.

Перед нами как бы раскинулось бурное море. На темносиних гребнях волн белела пена. Отдельные вершины напоминали серебристые крылья чаек. На горизонте блестели большие паруса Монгольского Алтая. Немного ближе обширным островом лежало высокое плоскогорье Укок. По нему дружными отарами шли барашки облаков. На сверкающих алмазных пиках лежал золотистый пояс. Казалось, что там не воздух, а начало степи. Над степью — светлоголубой остов небесной юрты, своды которой теперь были темносиними.

Одна за другой подходили связки молодых альпинистов. Гуцин внимательно наблюдал за ними.

— Доктор, проверьте пульс у всех, — попросил он.

Майданова сразу же окружили девушки. Некоторые волновались, опасаясь, что дальше седла их не возьмут. У одной из них врач насчитал 166 ударов в минуту. У остальных пульс был несколько спокойнее. Им дали отдохнуть четверть часа, но и после этого показатели мало изменились. Уже здесь было видно, кто может дойти до вершины, а кому придется возвращаться с седла.

Вскоре связки снова растянулись по крутым увалам.

На ледник спустился холодный северный ветер. Пришлось снова одевать штормовые костюмы.

В двенадцать часов перед нами открылись длинные снежные поля. Мы подходили к южному склону седла (3 900 метров над уровнем моря). Гуцин начал искать палатку, которую они оставили здесь несколько дней назад. Она была поставлена возле трещины, похожей на широкий въезд в подземелье. Трещину мы сразу нашли, а палатки не было видно.

Недоумевающий мастер разводил руками. Наконец он заметил в нескольких шагах от себя маленькую снежную воронку, в которой виднелось что-то черное. Подошли поближе. Оказалось, что это угол палатки. 6 июля, пока в долине шел дождь, седло Белухи покрылось толстым слоем снега. Палатку пришлось откапывать ледорубами.

Седло походит на долину, покрытую снегом и приподнятую к северу. На востоке и западе на шестьсот метров возвышаются гребнеобразные вершины. Ветер здесь дует с севера или с юга. Это надо иметь в виду

при разбивке лагеря. Лучше всего ставить палатки дверками на восток.

Мы скинули рюкзаки и присели на них отдохнуть. В спины нам дул холодный северный ветер, а на лица попрежнему падало пламя солнечных лучей. Гребень Черной сопки лежал далеко под нами. Снежная терраса над ледопадом среднего потока закрывала долину, в которой был раскинут лагерь альпиниады.

Воздух был чист и прозрачен. Мы молча смотрели на далекие голубые горы на юге. Облака там успели разрастись, растянувшись длинной лентой. Затем они как бы опоясались вокруг снежных вершин Табын-Богдо-Ола. Там начался буран.

Гущин прочел список товарищей, которые пойдут на восточный пик. В лагере сразу стало шумно. Одни прыгали от радости, другие, которым дальнейший подъем был запрещен, хмурились.

Вершинники в палатках разжигали примусы. Седловики обедали всухомятку. На снегу лежали сухари и несколько банок рыбных консервов. Есть почти никому не хотелось. Мы, пять человек, не могли опорожнить даже одной банки. Сказалось влияние разреженного горного воздуха.

Горная болезнь известна давно. Впервые она была описана лет триста пятьдесят назад Акостой. Проявления ее различны. Это, прежде всего, нарушение деятельности центральной нервной системы. Болезнь выражается в сильной слабости, головокружениях, рвоте, обмороках, апатии, сонливости, в частичной потере слуха и зрения, и даже в кровотечениях из носа и легких. Зарегистрированы даже смертельные исходы горной болезни. Больному необходим немедленный отдых, а в наиболее тяжелых случаях—спуск на двести-триста метров.

Некоторых горная болезнь сваливает уже на высоте 2500 метров, но чаще она проявляется на высоте 4—5 тысяч метров.

Причины горной болезни кроются в недостатке кислорода в воздухе, что влечет за собой кислородный голод организма. Поэтому до восхождения на большие высоты необходима акклиматизация на средних высотах. Постепенно организм привыкает к разреженному

воздуха, дыхание углубляется, и увеличивается количество красных кровяных шариков и гемоглобина в крови. Все это способствует наилучшему обеспечению организма кислородом и позволяет человеку поднять свой «потолок».

Первые признаки горной болезни встретили альпинистов на седле. С нами был картограф Десятов, энергичный, живой молодой человек. На седле он неожиданно превратился в скучного флегматика. Когда мы двинулись к высшей точке седла, начальник отдал распоряжение о том, чтобы все сняли «кошки». Склон был пологий, и «кошки» были совершенно не нужны. Картограф с правой ноги «кошку» снял, а на левой оставил: ему все стало безразличным. К «кошке» прилипал мокрый снег, и бедный картограф едва волочил тяжелую ногу.

Вскоре температура опустилась ниже нуля. С Ак-Кемского ледника стали выползать лохматые серые тучи. Они проносились низко над нашими головами, роняя снежную крупу. Картограф упал на спину, раскинул руки и изменившимся, не своим голосом крикнул:

— Товарищ начальник, буран... Буран начинается. Назад надо!..

— Ты что это валяешься? — спросил Долгих.

— Буран... Спускаться надо, — повторил Десятов и тут же вяло добавил: — одна нога совсем расписалась...

— Сними «кошку», — посоветовал начальник.

Тогда Десятов сбросил с себя веревку и побрел одной стороной.

Даже этот пологий подъем для уставших людей был нелегким, тем более, что мы глубоко проваливались в рыхлый снег. А инструктор Янковский вел нас очень быстро. Люди задыхались. Начальник часто кричал:

— Стой!.. — и, опираясь грудью на альпеншток, спрашивал: — Далеко еще?

— Да километра три будет, — отвечал инструктор и настойчиво утверждал: — Здесь уже седло.

Но горы на севере еще не были видны.

— Какое же седло, если Терехтинский хребет не виден!

Долгих выпрямлялся и коротко бросал:

— Вперед!

И мы шли дальше, овеваемые ветром. Тучи над нами проносились с быстротой птиц. Казалось, что в следующую минуту они заденут за наши головы и упадут на седло.

Длина седла, по всей вероятности, не менее двух километров. Это сплошное снежное поле, у южного конца разорванное трещинами. Высшая точка его — снежный карниз над Ак-Кемским обрывом (4 050 метров над уровнем моря). Горы по реке Ак-Кем становятся видны лишь тогда, когда человек подходит к этому карнизу.

Мы остановились в десяти метрах от обрыва. Янковский привязался длинной веревкой и осторожно пошел вперед. Я «страховал» его. Он лег на край снежного карниза и заглянул вниз.

— Хорош карнизик! — воскликнул он. — А обрыв около километра... Отвесная стена.

Янковский приподнялся и махнул нам рукой.

— Отойдите подальше. Тут можем обвалиться.

Потом он снова лег на край обрыва, чтобы получше рассмотреть ледник Родзевича (Ак-Кемский).

Мы отступили метров на пять. Верхняя долина Ак-Кема была хорошо видна. Мутно-серое озеро зигзагом вытянуто по долине. Слева в него впадает изумрудная речка. Ниже озера виднелась желтая копна — это домик метеорологической станции. От гор, покрытых лесом, шел туман, как дым от костров. Катандинская и Уймонская долины были закрыты рваной шубой облаков. Сквозь мутные просветы на севере едва были видны очертания Терехтинского хребта.

Мы повернулись к гребню восточной вершины. На северо-восток от нее лежало небольшое седло (его мы видели с сопки Салтан), а дальше возвышался опять такой же острый и скалистый гребень. Его-то считают третьей вершиной Белухи.

У западной вершины два пика — южный и северный, между ними маленькое снежное седло. Кажется, обе вершины покрыты толстым слоем снега. С южной стороны вершина защищена снежным козырьком. Он прекрасно виден даже из долины. Навес там не менее сорока-пятидесяти метров. Когда-нибудь эта снежная

скала обрушится с потрясающим грохотом. Об этом таком обвале сто лет назад писал Ф. Геблер:

«Западный пик покрыт снегом гораздо более, нежели восточный, так что в одном месте совершенно белой вершины его он образовал однажды (12 июля) нависшую массу, которая по прошествии десяти дней низверглась вниз, оставив только одно серое пятно».

Видимо, такой же обвал был в 1904 году, когда пророк бурханизма воспользовался легендами о падении вершин Белухи и начал предсказывать пришествие хана.

Зная, что восхождение на западную вершину с юга невозможно, мы внимательно осматривали другие ее склоны. Но и здесь было мало утешительного. Восточный склон очень крутой, на нем много снежных навесов и отвесных скалистых выступов, почти всюду — следы недавних лавин, которые падают на седло. На севере вершина оканчивается очень крутой скалистой стеной, на которой снег почти не задерживается. Высота этой стены около полутора километров. Под ней расположен ледник Родзевича. Есть лишь одна узенькая полоска льда и снега, спускающаяся между северным ребром и восточными навесами. По этой полоске можно попытаться взойти на западную вершину.

Наше внимание привлекла ближайшая гора, расположенная на северо-запад от западной вершины Белухи между реками Ак-Кемом и Кочурлой. Алтайцы называют ее Кочурла-Баш. Высота ее должна быть около 4 200 метров, но на карте проф. Сапожникова эта вершина почему-то не обозначена. Кочурла-Баш богата снегом. Она походит на огромный стол с двумя острыми белыми краями. От нее к подножию западного пика Белухи протянулось ровное снежное плато длиной километров в пять. Оно расположено на высоте седла. У нас возникла мысль, нельзя ли с этого плато подняться на западную вершину? Но как на него попасть? Со стороны Ак-Кема — отвесная стена. Может быть, с ледника Мухту-Айры возможен подъем на это плато?

Тут я вспомнил слова проф. Сапожникова. В 1900 году он писал, что фирн ледника Мухту-Айры «спускается крутым потоком в узком русле между обнажен-

На снимке: озеро на Берельском водоразделе на высоте 2 600 метров над уровнем моря.
Вдали—вершины Белухи (снимок с юга).

ными, почти отвесными скалами» А в 1912 году, после восемнадцатилетнего своего знакомства с Алтаем, он так сказал о западной вершине:

— Во всяком случае, вести атаку со стороны Катунни легче, чем с других сторон, где склоны Белухи менее доступны по своей крутизне

Словом, подходы к западному пику весьма трудны и мало изучены. В верховьях Мушту-Айры и Кони-Айры для альпинистов — огромное поле работы.

На высшей точке седла мы простояли четверть часа, а потом пошли обратно тем же путем. Лохмотья туч попрежнему стремительно пролетали над нашими головами, но за Белухой круто вздымались и уносились ввысь. Из серых они превращались в белые облака и на солнце переливались всеми цветами радуги.

На юге, далеко внизу, зеленели горы и хребты, окружающие Белуху. Отсюда они походили на мягкие увалы и холмы.

Твердым шагом мы подошли к палаткам, где снег был хорошо утоптан. Вдруг я по пояс провалился в неглубокую трещину, которая была засыпана снегом. Никто из нас до этой секунды не предполагал, что наши палатки стоят возле расселины.

Вершинники уже подошли к ледяному склону восточной вершины в его южной части. Далеко растянулась цепочка альпинистов. Их было двадцать шесть человек. Впереди медленно двигались Гущин и Гетье. Иногда они останавливались и начинали рубить ступеньки. За ними шла комсомольская связка. Рюкзак с бюстом И. В. Сталина весил шестнадцать килограммов. Через каждые десять минут комсомольцы останавливались, вырубали во льду надежные ступеньки и тогда осторожно обменивались рюкзаками. Последней шла связка «киноребят». Ее вел инструктор Афанасьев. Оператор Торбеев тащил тяжелый аппарат, а его помощник был навьючен громоздким штативом. Режиссер Гребенкин остался на седле. Он решил здесь «встретить в лоб» вторую колонну альпинистов и спуститься вместе с ними. Кроме него, на седле остался врач Майданов. Попрощавшись с ними, мы начали спускаться. Тогда выяснилось, что кто-то из вершинников взял ледоруб

инструктора Янковского. Ему предложили новый ледоруб, но тот наотрез отказался:

— Я не могу идти с чужим... Я со своим ледорубом четыре года хожу... Привык. — И побежал вдогонку, громко повторяя: — Кто взял мой ледоруб?

Вереница альпинистов замерла. Вскоре ледоруб Янковского скатился на седло. Снизу вверх по цепи передавали другой.

Спуск с гор во много раз легче подъема, но гораздо опаснее. Чаще всего альпинисты погибают во время спуска. Поднявшись на вершину, многие считают, что самое главное сделано, а дальше все пустяки. Внимание к наиболее опасным участкам пути притупляется, люди забывают о необходимой осторожности, которая так нужна при спуске. Надо сказать, что охранять товарища веревкой во время спуска гораздо труднее, чем при подъеме. Особенно опасно, когда человек бросает веревку, выходит из строя и отстает от колонны. При этом он может провалиться в трещину или заблудиться в ледниковых лабиринтах. Такие случаи в горах бывали много раз.

Мы спускались в пятом часу. Небо к этому времени стало совершенно чистым, и температура снова поднялась до $+2^{\circ}$. Мы по пояс увязали в мокром снегу. На крутых склонах все тормозили ледорубами и альпенштоками, но и при этом многие не могли устоять. Снег под ногами «плыл» вниз. Люди падали на спину и катились до тех пор, пока не задерживал товарищ. Однажды вся связка покатилась по склону градусов в 60. Наша первая связка в это время уже находилась внизу. Нам была видна широкая трещина, преграждавшая путь катившимся товарищам. Мы крикнули:

— Трещина... Задерживайтесь...

Но было уже поздно. Связка подкатилась к самой трещине. На счастье, противоположный край трещины оказался ниже. Четыре человека перелетели через ледяную пропасть и ткнулись в мягкий сугроб. Это им понравилось. Пройдя немного вперед, они сели на снег, подняли ноги и с хохотом покатились вниз.

— Нельзя так, — упадете в трещину, — кричал на них инструктор.

Их брюки насквозь промокли, ботинки наполнились

холодной водой. А солнце уже спряталось за купол, с седла дул пронизывающий ветер. Хотя мы торопились к месту ночлега, но все же по пути подошли к нагромождению ледяных скал, где еще журчал единственный на всем пути крошечный ручеек. Всех нас страшно мучила жажда, а снег плохо утолял ее. Мы дрожали и все-таки пили холодную воду, которая показалась нам несказанно вкусной.

Раздельный гребень был уже близко, но нам предстояло еще пройти лабиринт трещин. Снег сильно размяк, мостики за день настолько подтаяли, что путь оказался гораздо труднее и опаснее, чем утром. Впереди шел инструктор Янковский, за ним я, дальше Долгих, позади его — студентка Погорелова, связку замыкал физкультурник Соболев. В середине лабиринта один из мостиков показался мне ненадежным. Я заглянул в трещину. Дна не было видно. Узкий мостик был толщиной в полметра. Я осторожно поставил на него левую ногу и прыгнул на лед. Посоветовал Долгих пройти на четверть левее, где мостик был толще. Он пошел там и провалился. В трещине зазвенели сосульки. Я уперся ногами в ледяной склон и потянул за веревку. Руки Долгих были поверх остатков мостика, он уцепился за ледяную стенку, и я довольно легко вытащил его. Погорелова пошла. Белый берет студентки коснулся снега, в изгибе трещины блеснули черные глаза. Где-то глубоко в расселине зашумели падающие снежные глыбы. По ту сторону трещины, забыв о веревке, топтался тот самый физкультурник Соболев, которого Гущин, несмотря на хорошее заключение врачей, не взял на вершину. Долгих сел на крутой склон и потянул за веревку. Я опасался, что студентка сдернет начальника с ледяного склона в пропасть и поспешил на помощь. Вдвоем мы легко выдернули ее наверх. Ступив на твердый лед, она захохотала и воскликнула:

— Теперь есть что вспоминать!

А на противоположном берегу все еще топтался Соболев.

— Меня теперь... Меня... — бормотал он. — Я буду считать до трех...

Щеки его стали как бы берестяными. Он полупопотом произносил:

— Раз, два... Подождите, я снова... Раз, два, три...

Девушка передернула его на веревке.

Потом, на Раздельном гребне, он, хороший физкультурник, приятный товарищ, жаловался мне:

— Нервы подвели. Я очень нервный. Ох, и испугался я сегодня!

— Где? Чего испугался?

— Да когда Погорелова провалилась...

На скалах мы развесили для сушки белье, носки и обмотки. Полуголые люди дрожали на камнях, торопились раскинуть палатки и отыскать среди скал примусы. Утром кто-то забыл выпустить воздух из двух примусов. Весь бензин ушел. На третьем примусе мы успели нагреть только один котелок воды. Пришлось ужинать со снегом. Студентки сделали из сгущенного молока и снега мороженое «Белуха».

Несмотря на холод, настроение у всех приподнятое, веселое. Завтра мы будем в лагере. А здесь, на Раздельном, останется Янковский. Он подождет вторую колонну. Ему придется двое суток жить без воды. Это очень трудно. Легче двое суток прожить в горах без продуктов. Однако он не унывал.

— Ничего! Мне не впервые. Буду снежок глотать.

На этот раз мы спали крепко. Даже каменная постель не показалась жесткой. Грохота обвалов никто не слышал.

9 июля.

Проснулись мы, когда ласковое солнце заглянуло в палатки. За ночь так хорошо отдохнули, что почти всем снова захотелось идти на седло.

— Я бы дважды туда поднялся, только бы не спускаться по этим камням, — сказал один из шахтеров.

— Да, тут приходится не о себе думать, а о товарищах, как бы кому камень на голову не свалить...

Янковский проводил нас до первого снежного «языка».

— Здесь подождите, — сказал он. — Я посмотрю, где вам лучше пройти.

Инструктор оперся на ледоруб, и стоя покатился

вниз, будто на лыжах. Возле продольной трещины он круто повернул ледоруб, остановился и крикнул нам: — Здесь нельзя! Обходите поверху.

Мы пошли одни. Вскоре фирн стал настолько твердым, что его нельзя было пробить пяткой ботинка. Я покатился вниз, но сразу же повернулся на живот и воцпил клюв ледоруба в снег. Задержался. Пришлось всем одевать «кошки», а на ледяных прожилках рубить новые ступеньки. За два дня ступеньки, вырубленные Гуциным, успели стоять.

Вдруг рядом с нами загудел самолет. Он только-что перелетел через южное плечо Белухи. Мы остановились и начали махать шлемами и фуражками. Над самолетом взвилась зеленая ракета. Это означало, что летчики заметили нас. Они круто повернули в долину, настолько узкую, что в ней невозможно было развернуться, бросили вымпел с газетами прямо к штабной палатке. Через несколько секунд самолет скрылся за выступами гор.

В ущельи, где мы переходили с ледника на снежник, произошли большие перемены. Камень совершенно обтаял. Лед над ним возвышался, как полуразрушенный свод арки. Ущелье частично было завалено обломками обрушившихся ледяных скал. Но высокая, загрязненная каменной пылью скала еще стояла. Мне хотелось найти новый переход на ледник. Я прошел несколько левее, под черной ледяной аркой, за ней один над другим возвышались легкие мостики, по которым идти было опасно. Я вернулся назад к камню и вырубил во льду углубления для левой ноги и левой руки. Правой ногой и правой рукой можно было опираться на камень, по которому струилась вода. Поддерживаемые веревкой, люди катились по камню под остатками ледяной арки и затем спускались по ступеням в щель. Когда вся первая связка спустилась в ущелье, мы поспешили на ледник. Остальных предупредили, чтобы они поторапливались. Вскоре после того, как мы прошли, ледяная скала обрушилась и засыпала все ущелье.

На леднике мы остановились у первого водопада. Выпили по несколько кружек холодной воды и позавтракали сахаром.

В солнечный полдень мы спустились в цветущую долину. Иван-чай был уже на четверть выше, чем три дня назад. Лето протекало здесь быстро и бурно, как горная река.

В лагере нас уже ждали летчики Григоренко и Мухин. Они привезли нам кагор. К обеду победителям Белухи было выдано вино.

Горное солнце опалило всех. У Десятова губы после ожогов так распухли, что он не мог ни есть, ни говорить; у Арефьевой на щеках и носу вздулись огромные волдыри, у геолога все лицо было в ожогах.

После обеда мы, вооружившись биноклями, уселись на лиственничный чурбан. На белом склоне восточной вершины мы заметили черные точки, спускающиеся к седлу, и пересчитали их. В шесть часов с гребня вершины вышла последняя связка.

Через час передовая связка показалась на леднике, выше перемычки.

Первое восхождение совершено благополучно!

НА ВЕРШИНЕ

10 июля.

На рассвете вышла вторая колонна — сорок четыре человека. К альпинистам присоединилось четыре алтайца-коповода. Во главе колонны — начальник штаба альпиниады Склад. Колонна плохо снаряжена. На всех только две веревки и ни одного ледоруба. У нескольких человек не было ни «кошек», ни штормовых костюмов. Но на седле их ждали Гущин и Гетье. Погода могла испортиться и надо было торопиться. Начальник похода решил отправить колонну альпинистов без достаточного снаряжения, зная, что на снежных «языках» Раздельного гребня они встретятся с вершинниками.

— Мы их там разденем и разуем, — смеялись ребята.

Мы в бинокли видели, как через четыре часа после выхода из лагеря они начали раздевать вершинников.

К обеду вершинники спустились в долину. Для них был сварен суп из свежего мяса и рисовая каша с изюмом.

Путь первой группы с седла до вершины Гущин и Гетье описали так:

«На ледяном склоне пришлось рубить ступеньки. Движение по ним для новичков представляло большую трудность. Поэтому связки сильно растянулись. Подъем, который инструкторы при первом восхождении сделали в один час, группа проделала лишь за пять часов.

Дойдя до «жандарма», группа была вынуждена остановиться на ночлег. Было 20 часов 30 минут. Най-

ти площадку для ночевки такого большого количества людей (26 человек) в этой части гребня не представлялось возможным. Пришлось расположиться в различных местах на скалах по два-три человека.

У шести-восьми человек обнаружилась горная болезнь, у двух появилась рвота.

9 июля, едва забрезжил рассвет и красное зарево обняло восток, среди диких, угрюмых скал уже засуетились люди, собираясь на штурм последних метров высочайшей вершины Алтая.

Для уменьшения опасности траверса «жандарма» Гущин, идущий впереди на охранении Гетье, укрепил стальные крючья и подвесил веревки. Всего было укреплено семьдесят метров веревки.

Обход «жандарма» занял два с половиной часа, но переход был совершен без аварий. После небольшого отдыха приступили к сооружению тура для установки бюста товарища Сталина и знамени. После часовой, крайне утомительной, работы на такой высоте была закончена укладка полутораметрового тура. Бюст и знамя были водружены на высочайшей вершине Алтая, считавшейся до сих пор неприступной для массового восхождения. На вершине провели пятнадцатиминутный митинг.

Среди камней тура положили термометры и записку о восхождении. Будущие победители Белухи увидят, какая здесь была минимальная и максимальная температура...»

Перед альпинистами открылись изумительные виды. На запад тянулся Катунский хребет с бесчисленными острыми вершинами, на которых еще не бывал человек. На востоке белели пики почти совершенно неизученного района, примыкающего к реке Аргут. Там много интересных и трудных безымянных вершин, превышающих 4 тысячи метров. Где-то там — Восточно-Катунский пик с ледниковым узлом, на который еще не ступала нога человека.

На улице и в палатках альпинисты рассказывали о восхождении на вершину:

— А тур мы замечательный сложили на вершине! Бюст товарища Сталина укрепили лицом на восток. Митинг провели. А знамя так поставили, что его с сед-

ла видно! После речей крикнули громкое «ура» в честь товарища Сталина.

— У одного из наших на ледяном склоне «кошка» отвязалась. Он крикнул: «Я не могу дальше идти!» Вся связка остановилась. Вырубили ступеньки, укрепились и держали потерпевшего на веревке, пока он привязывал «кошку».

— Работать там тяжело. Маленький камешек поднимаешь и уже задыхаешься.

— На скалах вода у нас закипела при восьмидесяти пяти с половиной по Цельсию, — сообщил метеоролог. — Атмосферное давление — четыреста сорок четыре.

— Вершина сложена из метаморфических сланцев. Есть кварциты и кристаллические сланцы с вкраплениями пирита, — делился геолог своими наблюдениями. — Вот монолит, взятый с вершины. Весит больше шестнадцати килограммов. По этому монолиту будет определен геологический возраст горы.

— А вид какой оттуда был, когда солнце восходило! Рассказать невозможно!

Горы увлекают человека ни с чем несравнимыми яркими красками. Чтобы полюбоваться первыми солнечными лучами, рассекающими синий полумрак далеких долин, люди карабкаются по крутым склонам, переползают по острым гребням, перепрыгивают через десятки грешин. Зато как гордо звучит на вершине голос человека, победившего стихию гор, поднявшегося выше самых смелых и сильных птиц! Какая колоссальная работа осталась за его плечами, какую непреклонную силу воли воспитал он в себе!

В лагере не умолкал шумный разговор.

— Я ледоруб уронил, — сознался один из альпинистов. — Ледоруб прокатился метров пятьдесят и задержался у камня. Пришлось мне спускаться на веревке. Взял ледоруб, а сверху ребята кричат: «Камень идет!» Смотрю, прямо на меня. Что делать? Присел к выступу скалы и зачем-то ледоруб над головой поднял. Камень ударился о скалу, перелетел через меня и покатился дальше.

— Мы, товарищ начальник, решили назвать вон этот пик на ребре вершины ночлегом двадцати шести, — заговорил метеоролог. — Мы первые там ночевали.

— Холодно было?

— Перед восходом солнца — четыре градуса мороза.

— Вчера днем на седле температура воздуха была минус две десятых, — рассказывал врач, — а на солнце, на спальном мешке термометр показал плюс сорок два. Так велика прямая солнечная радиация.

11 июля.

Второй день никто не умывался. У всех болели щеки. К врачу приходили за свинцовой примочкой, мокрые платки прикладывали к губам, но опухоль проходила медленно.

Сегодня радостный день, — прилетит самолет, привезет газеты.

В одиннадцать часов послышалось гудение мотора. Все выскочили из палаток. Самолет шел над лагерем на высоте десяти метров. Штурман смотрел на нас через борт, махал рукой и улыбался. Вымпел упал возле штабной палатки. Самолет пошел вниз по узкой долине. На зеленом склоне гор он почти не был виден.

Приехав в лагерь, летчики рассказывали, что они видели на седле две цепочки альпинистов: одни пошли на север, к Ак-Кемскому обрыву, а другие начали восхождение на восточную вершину.

Вечером в лагерь спустились седловики. Они ходили всего лишь два дня. С перемычки Раздельного гребня они вышли в четыре часа утра и по насту поднялись на седло. Это сохранило им силы. В двенадцать часов они уже начали спуск. Их вел инструктор Афанасьев. Спустившись с Раздельного гребня, одна из первых связок села отдыхать под камнепадом. Инструктор крикнул:

— Не садитесь там! Камень может упасть.

Вскоре кто-то неосторожным движением столкнул камень.

Геолог Оглоблина продолжала сидеть на месте и подставила альпеншток, «чтобы изменить направление падения камня», как говорила она потом. Камень упал ей на левую руку и раздробил кость пальца.

Штаб решил эвакуировать Оглоблину на самолете. Завтра за ней прилетит летчик Чурилин.

К вечеру долина закрылась тучами. На восточной вершине начался буран. Мы беспокоились за судьбу двадцати человек, спускавшихся на седло. Люди были едва видны. Дежурный все время наблюдал за ними в бинокль. Он громко крикнул:

— Последняя связка покатилась. Три человека.

Все выбежали из палаток.

— Где?

— Теперь уже не видно. Вон с того склона скатились метров на сто.

Мы знали, что там ледяной склон в пятьдесят градусов. Между склоном и седлом — глубокая подгорная трещина. Вся связка могла упасть в нее. Мы беспокоились за жизнь наших товарищей. Казалось, что, в лучшем случае, они могли отделаться ушибами и увечьями, могли поранить друг друга зубьями «кошек» и ледорубами.

12 июля.

В девять часов утра мы начали тревожно осматривать в бинокли снежные «языки» на склоне Раздельного гребня. В это время вершинники второй колонны должны были появиться на белых полях. Мы боялись, что увидим двух-трех человек. Это означало бы, что в колонне случилось несчастье и товарищи спешат в лагерь, чтобы сообщить о нем начальнику похода. Может быть придется посылать туда носилки.

Вскоре на снежниках замелькали черные точки. Первая связка спустилась со скал. Но следом за ней никто не показывался. Прошло пятнадцать-двадцать минут, а на «языках», кроме первой связки, попрежнему никого не было видно. Так и есть, случилось несчастье.

В лагере — тишина, тревожное настроение.

Но вот на узком снежнике показалась еще одна связка. За ней вышли и другие. Ключья тумана касались подножья Раздельного гребня, и мы никак не могли сосчитать, сколько человек спускалось.

Часа через два они показались на нижнем ледниковом поле. Альпинисты повернули на морену. Среди

черных камней связку невозможно было отыскать даже в бинокль.

Для спускавшихся альпинистов приготовили лошадей, но коноводы не успели выехать навстречу, как дежурный крикнул:

— Вот они! Подходят!

Среди высоких кустов полярной ивы мелькали темные зеленые шлемы, на них блестели черные очки. Вереница альпинистов приближалась к палаткам.

В лагере были удивлены и обрадованы, что вершинники так быстро прошли по моренам. Их ожидали не раньше, как через полчаса. Все бросились навстречу.

— Как, ребята?

— Все живы, здоровы?

Оказалось, что последним с вершины спускался врач Замятин. На самом крутом склоне он неудачно вонзил зубья «кошек» в лед, сорвался, полетел вниз и сшиб всю связку. Покатилось три человека. Будь у них большой альпинистский опыт, они могли бы попытаться вонзить клювы ледорубов в лед и задержаться. Но они растерялись. Сшибли еще две связки. Покатилось девять человек. На счастье, был снегопад. Ледяной склон покрылся толстым слоем мягкого снега. Это замедлило скорость падения. Девять человек смели снег со льда на протяжении ста пятидесяти метров, и снег их задержал.

Врач по пути к вершине по несколько раз осматривал всю вторую колонну альпинистов и теперь делился своими наблюдениями:

— На высоте четырех тысяч триста метров несколько человек почувствовали первые приступы горной болезни. У одних начиналось головокружение, другие жаловались на звон в ушах и позывы на рвоту. У некоторых было мелькание в глазах. Но приступы были настолько легкими, что все товарищи дошли до вершины.

Синомеры показали временную потерю от трех до шести килограммов на каждую руку. Это свидетельствовало о том, что люди сильно устали. У большинства альпинистов во время восхождения быстрота дыхания в минуту увеличилась в два раза и даже больше, но после пятнадцатиминутного отдыха на вершине дыхание стало нормальным.

По ледяному склону горы советские альпинисты пронесли красное знамя. На горной вершине Белухи они установили бюст вожди народов—великого Сталина. В поле зрения советских альпинистов открылся путь и на западную вершину Белухи. На снимке: дали снежные вершины Белухи. Снимок сделан с самолета.

Начальник похода спросил мастера:

— Почему не пошли с седла на западную вершину?

— Там можно восходить только мастерам, — ответил Гуцин.

— И если один сорвется, так второй задержать не сможет, вся связка полетит вниз. Гибель неизбежна, — добавил Гетье.

— Новичков по такому склону вести опасно. Нам бы пришлось рубить ступени, — продолжал Гуцин. — А там нужно вырубить их две тысячи. Дня на это нехватит, и ночь застигла бы нас на крутом ледяном склоне.

— Отдохнем дня два и пойдем в обход Белухи с запада, — сказал он в заключение.

О палатку разбивались крупные капли дождя. Долина закрылась тучами. На Белухе туманы спустились до нижнего ледникового поля. Приближался ненастный вечер. Новосибирское бюро погоды предсказывало понижение температуры в районе Белухи, низкую облачность, грозы.

Гордая Белуха побеждена. По ее ледяному челу люди пронесли красное знамя. На ее каменном темени установлен бюст великого вождя народов СССР товарища Сталина. Мы успешно совершили первое массовое восхождение на гору, которую еще недавно многие алтайцы считали неприступной. У нас не было ни одного оставшего. Все восемьдесят четыре человека, которым врачебная комиссия разрешила подниматься, взошли на седло. Сорок три человека совершили восхождение на восточную вершину. Восемь алтайцев взошли на седло и двое на пик. Легенда о неприступности «священного» алтайского олимпа разрушена. Высочайшая гора Алтая покорена большевиками.

14 июля.

Чурилин прилетел за геологом Оглоблиной. Врачи снова осмотрели тех участников восхождения, которые успели отдохнуть. Уже первые данные позволили отметить, что трудный подъем на высокую гору оставил весьма благоприятные следы: у всех альпинистов заметно увеличился объем легких, укрепились нервная си-

стема, усилилась деятельность кроветворных органов и возросла мускульная сила.

После обеда первый отряд альпинистов выступил на обратный путь. В колхозах Уймонской долины и Онгудайского аймака они сделают доклады о восхождении.

Целый день небо хмурилось, а под вечер начался проливной дождь. Ветра совершенно не было, и тучи стояли между хребтами, пока не проливались до последней капли. Не успевала пролиться одна туча, как из травы начинали выползать белые струйки тумана и вскоре новое облако появлялось над лагерем.

НЕПРИСТУПНЫЙ ПИК

16 июля.

Утро.

Белые кучевые облака лежали на высоких горах. Но лететь все же было можно. Скляр вызвал самолеты. Минут через двадцать после этого черные тучи опустились низко на горы. Мы знали, что самолеты уже летели по узким ущельям. Над ними был бесконечный облачный потолок. Прорвутся ли они?

Прошло полтора часа, а самолетов все не было. Иногда нам казалось, что где-то близко гудит мотор, мы выбегали из палаток и всматривались в серую пелену над долиной, а потом догадывались, что слышали только шум водопада. После дождей он стал особенно бурным.

Наконец мы получили радиограмму:

«Взлетели парой, 33 минуты шли по долинам Кагуни и Аргута. Облака густели и быстро снижались. Мы потеряли в облаках Чурилина. Он шел выше нас. Мы с Григоренко летели еще 8 минут к входным воротам ледника Мен-Су, но облака уже плотным кольцом обступили нас. Альтиметр показывал 2 500 метров. Решили повернуть назад. Когда прилетели к аэродрому в Ине, увидели внизу самолет Чурилина. Он, оказывается, повернул раньше нас».

Это был единственный случай, когда летчики не могли выполнить задание штаба.

В той же радиограмме штурман Мухин сообщал, что из Улагана, за 165 километров, приехали пионеры-алтайцы посмотреть самолет. После первого же осмотра машин ребята взялись за изготовление авиомоделей.

После обеда лагерь провожал группу альпинистов, отправляющихся на поиски подступов к западной вер-

шине. До Капчальского ледника они поехали на лошадях. Там они раскинут лагерь и завтра пойдут на хребет, с которого попытаются спуститься на ледник Мушту-Айры.

Как известно, ледник Мушту-Айры течет от западной вершины Белухи на северо-запад. Его необходимо осмотреть. Но путь избранный мастером, мне показался ошибочным. Тридцать четыре года тому назад проф. В. Сапожников писал, что истоки реки Капчала, по всей вероятности, лежат против истоков реки Кони-Айры. Если это так, то наши друзья окажутся на довольно далеком расстоянии от ледника Мушту-Айры.

Восточнее Капчальских ледников, за водопадом Рассыпным лежит Черный ледник. Один из его потоков идет от западной вершины Белухи, второй (средний) круто спускается с хребта, отделяющего ледник Мушту-Айры. По словам проф. В. Сапожникова, по этому потоку можно перевалить к Кочурле (Мушту-Айры). Но Сапожников поднимался по леднику только до высоты 2 500 метров и о перевале говорил предположительно. Об этом перевале сказали Гущину, но мастер коротко ответил:

— Там пройти нельзя.

Однако мы все же решили попробовать в ближайший же день пройти по Черному леднику до перевала.

17 июля.

В девять часов утра Хороших, Складар, Певцов и я отправились на Черный ледник. Несколько дней тому назад мы были на его нижнем поле. Нам показалось, что перевал через хребет невысок, и подъем на него будет весьма легким. Ледопад среднего потока снизу выглядел широким горбом, на который как будто можно подняться за полчаса. К тому же мы только-что прочли в книге проф. В. Сапожникова:

«Сравнительная бедность снежников заставляет думать, что Черный ледник на пути быстрого уменьшения, а может быть, и полного исчезновения».

Все это создало легкомысленное отношение к этому леднику. Мы пошли в одних рубашках. Захватили с собою только две банки консервов. Вооружились одним

ледорубом и двумя альпенштоками. «Кошки» наши уже были отправлены на метеорологическую станцию, на склад, и нам пришлось идти без них.

В нижнем течении ледник так завален черным сланцем, что льда совершенно не видно. Трудно даже установить, где ледник кончается. От черного камня этот ледяной поток и получил свое название. Длина его — около пяти километров, ширина — более пятисот метров.

Недалеко от выхода южного потока мы остановились на ледяном поле. Певцов заговорил об обеде, но Хороших возразил:

— Рано еще. Идите без обеда. А я здесь останусь. Он взглянул на средний поток и уверенно добавил: — Тут недалеко, вы через два часа вернетесь.

Мы перешли через невысокую среднюю морену и начали подниматься по середине ледопада, конец которого лежал на высоте 2 810 метров. Вскоре многочисленные продольные трещины отрезали нас от скал с той и другой стороны. Потом стали встречаться поперечные трещины. Через некоторые из них мы перепрыгивали, другие обходили. Пришлось связаться веревкой. Мы шли попрежнему быстро и смело. Нам казалось, что впереди еще одна расселина, а дальше начнется пологое снежное поле. Но, перейдя очередную трещину, мы оказывались под ледяными скалами, которые ранее нам не были видны. Вскоре мы очутились в центре лабиринта глубоких и широких расселин. Мы уже проползли верхом по двум длинным ледяным острякам, по обе стороны которых зияли глубокие щели, и прошли по ледяному козырьку над огромной трещиной, когда перед нами открылась светлозеленая пропасть, через которую не было ни одного мостика. Скляр остановился на наклонной ледяной скале и спросил:

— Ну, как, желаете идти дальше?

Мы могли ответить только утвердительно. Нам очень хотелось подняться на хребет и взглянуть с него на западную вершину Белухи.

Скляр нашел уступы в стенках трещины, спустился метра на два и перепрыгнул на крутой противоположный склон. Следом перебрались и мы. Дальше лаби-

ринт оказался еще сложнее. У нас иссякла надежда на то, что мы сможем пробиться вверх. Но и назад этим путем нам без «кошек» не спуститься. И мы решили идти вперед, пока будет возможно, а под конец попытаться перебраться на скалы, возвышающиеся справа, и по ним спускаться. Если даже там нас накроет ночь, на скалах ночевать все же будет теплее, чем на льду.

Только к четырем часам нам удалось выйти на обширное снежное поле, кое-где разорванное трещинами, которые тянулись почти от края и до края ледника. Высотомер показывал 3 100 метров. Ледопад высотой в триста метров отнял у нас четыре часа.

Взглянув на большое снежное поле, я подумал, что проф. В. Сапожников высказал свое заключение о Черном леднике без достаточных оснований. Ни в коем случае нельзя утверждать, что ледник на пути «полного исчезновения».

С крутых скал хребта спускаются снежные «языки». Подъем без «кошек» там едва ли возможен. Тем не менее, мы пошли бы к этим «языкам», если бы у нас была теплая одежда. Поднявшись на хребет, мы оказались бы раза в три ближе к западной вершине, чем наши разведчики. Но мы не были уверены, что на обратном пути нам удастся обойти ледопад и к вечеру спуститься на нижнее ледниковое поле, и потому бы ли вынуждены отказаться от заманчивого восхождения. Из-за острых вершин выползали тучи. Полюбовавшись скалистым ребром западной вершины Белухи, расположенным от нас километрах в четырех, мы начали искать переход на скалы. С правой стороны ледник оканчивался отвесной стеной. Нам пришлось пересечь все снежное поле. Возле гребня, отделяющего третий поток ледника, мы легко спустились по снегу и льду до крутой морены. Путь по средней морене также был легким. К восьми часам вечера мы дошли до водопада Рассыпного. Тут нас встретил мелкий затяжной дождик.

Несмотря на то, что нам не удалось дойти до перевала, мы были довольны этим днем. Ведь мы без инструктора прошли через неизвестный ледопад, как бы сдали экзамен на лазанье по ледяным скалам.

В лагере мы увидели шофера Максимова. Четыре

дня тому назад он уехал с ледниковой группой, направлявшейся в Уймонскую долину, и теперь вернулся с неприятным известием:

— Заболел Мако. Сюда везут.

— Что с ним? — спросил врач Бард-Ахчан.

— Недвижим. Руки и ноги отнялись. Головой пошевелить не может. Едва говорит.

Из дальнейших разговоров мы узнали, что Мако заболел во время полуденной стоянки на реке Становой. Недалеко оттуда, около озера Тайменьего находился отряд альпинистов, с которым ехал врач Замятин. Ребята послали туда Ивана Артемьевича с запиской. До центра Усть-Коксинского аймака оставалось три дня пути. Там есть больница. Но Мако стал просить своих спутников, чтобы его везли не в селение, а назад, к Белухе. Он надеялся на самолеты. И вот, не дождавшись Замятина, вся группа заседлала лошадей и отправилась в двухдневный переход, в лагерь у ледника Геблера. Для больного устроили поверх седла нечто похожее на носилки. Завтра вечером его привезут сюда.

18 июля.

— Едут какие-то туристы, — сообщил дежурный.

В долине шел дождик, и никому не хотелось выходить из палаток. Мы были поражены, когда вместо незнакомых туристов увидели у коновязи мастера Гущина и его спутников. Они были мрачны.

Потом мы узнали, что наши разведчики поднялись по Капчальским (река Кокош-Су) ледникам на Катунский хребет. Оттуда они совершили восхождение на безымянную вершину, высотой 3 700 метров. С вершины хорошо видны ледники Кони-Айры, расположенные на северном склоне хребта. Восточнее их, за отвесной скалистой стеной, лежал большой ледник Мушту-Айры, по которому альпинисты намеревались подойти к Белухе с запада. На востоке, за скалистыми гребнями, километрах в двенадцати, возвышался двузубец западной вершины.

— Мы увидели, что подняться на вершину с той стороны нельзя, — сообщил мастер Гущин и вышел из штабной палатки.

Через час он принес статью для «Советской Сибири»:

«Отвесные скалистые стены возвышаются над ледником, — писал он. — Совершенно исключена возможность подъема на снеговое плато, лежащее к северо-западу от вершины, на высоте 4 000 метров. Сама вершина со стороны плато представляет почти отвесный гребень обледенелых скал, на которых снежный покров не удерживается. Таким образом, единственным подступом к западной вершине является седловина».

Мы видели, насколько труден и опасен путь с седла на западную вершину. Во всяком случае этот путь не для уставших людей, только что совершивших по четыре восхождения. К тому же, у нас не было крючьев для подвески веревок на очень крутых ледяных склонах, а также и нужного количества веревок.

Учтя это, штаб решил отказаться от дальнейших попыток штурма западной вершины в этом году.

В ПЛЕНУ У НЕПОГОДЫ

19 июля.

Два дня летчики жили в нашей палатке. Тихий ветер шел из «мокрого угла», с юго-запада, и окутывал горы грязной ватой облаков. Туман спускался на нижнее ледниковое поле и, огибая Раздельный гребень, полз на водораздел с рекой Берелью. Мы сидели в долине, как в чашке, накрытой мутным стеклом. О полете нечего было и думать.

Я читал стенную газету «Старт на Белуху», которую выпустили летчики в поселке Иня:

«Опасности грозят здесь на каждом шагу, — писал Григоренко о своем первом полете в горах. — Сделай мотор заминку на середине пути — садиться некуда. Чуть не досмотришь из-за низкой облачности — ударишься о камни ущелий. При перелете через хребты попадешь в струю снижающегося потока воздуха — провалишься. Ветер преследует нас на аэродроме, в разведке решительно везде».

Несколько ниже фиолетовые строчки, написанные Мухиным:

«Сегодня, как вчера, позавтракав, мы собрались у своих самолетов. Летчики пробуют моторы, а мы с летнабом Гуциным поровну распределяем груз. Около нас собралось много народа. Все хотят видеть самолет, пощупать его, спрашивают, скоро ли полетим.

— Скоро, — отвечаю я.

Через несколько минут из штаба альпиниады приходит радиограмма-приказ:

«Белуха открыта. Вылетайте парой. Садитесь на берегу Катуня».

Опробовав еще раз моторы, Григоренко дает последние указания на случай вынужденной посадки. Через

три минуты мы в воздухе. Сегодня летим по новому маршруту — ущельем над ледником Мен-Су. Григоренко пользуется восходящими потоками воздуха и мастерски набирает высоту. Чурилин с Гущиным идут рядом с нами. Записываю показания альтиметра: высота 3 000. Этого мало. Чтобы перелететь снеговой хребет, надо 3 700 метров. Отмечаю полетное время и передаю Григоренко записку: «Летим 1 час 10 минут». Он показывает на альтиметр. Ага, нет нужной высоты. Тогда мы пошли по глубокому и мрачному ущелью Аргут. Что тут было — не стоит вспоминать. Пусть это никогда не вернется. Надежда была на один мотор. В уровень с крыльями самолета была черная гора, а внизу торчали острые пики скал».

Я вспоминаю — в тот раз они летели при хорошей погоде. И то была опасность врезаться в скалы тесных ущелий или разбиться о ледяные пики. А как же они сейчас, в непогоду, вырвутся из этой западни?

Радист принес очередную безрадостную радиограмму: «В Ине горы в тумане, лететь нельзя».

— Сегодня надо улететь, — настаивал Мухин. Григоренко вышел из палатки, посмотрел на небольшие дыры облачного покрывала и, как всегда, тихо, но уверенно сказал:

— Полетим!

— Если нельзя будет через горы, найдем обходный путь по долинам Кок-Су и Аргута, — успокоил нас начальник штаба Скляр, собравшийся лететь в Новосибирск.

Не дождавшись завтрака, летчики заторопились на «аэродром». Одному из них на двухместной машине предстояло эвакуировать больного ученого.

Через каждые два часа радисты приносили все те же безрадостные сводки:

«В Ине туман. Лететь нельзя».

Над Катунской долиной плыли лохматые серые облака с редкими просветами. Гребень между ледниками был посыпан свежим снегом. Не было никакого сомнения в том, что ледяное ущелье у Кара-Сюка, над ледником Мен-Су, забито дождевыми тучами. Путь к Ине закрыт.

В три часа дня авиотехник из Ини еще раз коротко сообщил:

«Идет дождь. Лететь нельзя».

В лагере все были уверены, что к вечеру летчики вернутся в штабную палатку.

На «аэродроме» наши друзья хмуро смотрели на низкие облака. Завтра утром лагерь будет свернут. Походная радиостанция у Белухи прекратит свою работу. Связь с миром прервется. Надежд на быструю перемену погоды нет. Вдобавок ко всему, под крылом самолета стонет больной. Его бледное лицо окроплено холодным дождем. Он часто спрашивает, можно ли надеяться на отлет в ближайшие часы. Глядя на больного и на облака, поневоле будешь хмурым.

И летчики решили во что бы то ни стало улететь сегодня. Не дождавшись последней радиограммы, командир звена отправил Мухина и Чурилина в разведку. Он решил лететь с больным только после того, как новый путь будет изведен, чтобы иметь больше шансов на то, что не придется возвращаться в долину Катунь. К тому же полет без летчика-наблюдателя в незнакомой горной местности труден и опасен: нужно следить за машиной и не спускать глаз с близких и потому быстро меняющихся ориентиров. Эту нелегкую задачу Григоренко взял на себя.

Выбрав наиболее удобный момент, самолет Мухина и Чурилина нырнул в маленькое голубое «окно» и сразу же скрылся за хребтом, отделяющим Катунь от Белой Берели. Перед ним лежал далекий обходный путь. По узким долинам бурных рек надо было вылететь на зеленую долину Кок-Су, пройти над ней километров пятьдесят, повернуть в самое мрачное на Алтае и самое дикое ущелье пенистого Аргута, где отвесные черные и бурые скалы поднимаются на полтора километра. По этому ущелью километров через семьдесят можно было вылететь на Катунь и над ней пройти до самой Ини.

Мы знали, насколько труден и опасен новый путь. В этом районе Алтая долины так узки, что в них, в случае надобности, самолету негде развернуться. Воздушные потоки изменчивы. Машину часто бросает на сто пятьдесят-двести метров вверх или вниз. Вверху

туман, облака, внизу — острые скалы, каменные стены. А попадешь в туман — врежешься в горы.

Над Аргутом или над Катунью их встретит затяжной дождь, частой водяной сеткой закроет скалистые склоны долин. Как они выберутся в Иню?

И возвращаться к Белухе было нельзя: свинцовые тучи распарывали свои рыхлые животы о скалистые вершины и огромными хлопьями падали на перевалы.

Время шло медленнее ленивых туч. В лагере — тишина. Люди тихо спрашивали друг друга:

— Где они по пути могут спуститься?

На посадочной площадке летчики волновались больше нас. Они видели, что сразу же после того, как самолет Мухина и Чурилина скрылся за перевалом, тучи захлопнули голубое окно. Прошло десять-пятнадцать минут. Где-то в облаках глухо загудел мотор.

— Сюда летят.

— Видимо, не могли пробиться в долину Кок-Су.

— Набирают высоту.

Вскоре рокот мотора затих. Похоже было, что ветер промчался по лесу и лег у подножья гор.

— Полетели по обычному маршруту, на ледник Мен-Су, — сказал Григоренко.

Потом снова как бы послышался шум приближающегося самолета и опять так же утих.

— Кружатся в Берельской долине... Не могут вырваться...

Только в пять часов вечера мы получили радостную радиограмму, в которой Мухин сообщал, что самолет благополучно в дождь опустился в Иню. Оказалось, что они в самом деле кружились над долиной Белой Берели. Путь на Кок-Су был закрыт. На леднике Мен-Су — тучи. Дважды авиаторы подлетали к ледяным высотам и дважды возвращались в нижнюю часть долины. Пролететь было нельзя и садиться негде. Наконец они увидели впереди слабый просвет и, набрав предельную высоту, проскочили в окно. За ними как бы захлопнулись черные двери. Внизу дико скакал белый Иедыгем. Водопад за водопадом. Впереди — Аргут и Катунь. Выход был найден. Альпинисты мысленно аплодировали смелым авиаторам.

В восемь часов тридцать минут в лагерь приехал алтаец с запиской. Сkläр сообщал:

«В 19 часов вылетел второй самолет. Взял Мако. Радируйте в Иню».

Радисты побежали в свою палатку. Против ожидания, Иня уже вызывала Белуху. Радист записал:

«Из долины Белой Берели прорвался в долину реки Кок-Су. Летел 1 час 20 минут. Шел над скалами, на высоте 50—200 метров, все время обходя туман. Доставил Мако в живых. Поместил в больницу. Несмотря на дождь, все население Ини встречало меня.

Григоренко».

Смеркалось. У костра комсомольцы пели «Марш веселых ребят».

На посадочной площадке остался один Сkläр. Он ночует под камнем. Завтра утром за ним прилетит Чурилин. Мы последний раз помашем летчикам и громко крикнем:

— До свидания в Новосибирске!

Они стали нашими близкими друзьями — эти веселые, смелые люди. За короткий срок они успели налетать в районе Белухи 1 300 километров, засняли весь Катунский хребет. В горах совершили тридцать посадок. Завтра седьмой раз колеса темнозеленого самолета коснутся каменистого берега Катуня, и мы вместе с авиаторами скажем гордой горе:

— До свиданья в следующем году! Сколько ни хмурься, а твой неприступный пик покорен.

Перед отъездом мы сложили на месте лагеря каменную горку, на вершине которой установили бюст В. И. Ленина. Ниже укрепили доску с надписью:

«Здесь с 24 июня по 20 июля находился основной лагерь первой Западно-Сибирской альпиниады. Отсюда начато восхождение на Белуху. На седло поднялось 84 человека, на восточную вершину 43 человека».

Вокруг горки выложили из камня оградку. За ней посадили высокий борщевник с белыми зонтиками душистых цветов.

Когда мы заканчивали работу, из дальней палатки прибежал помощник радиста Калентьев:

— Идите скорее! Сейчас наши жены будут говорить. Не верилось, что родные голоса долетят к нам из далекого Новосибирска через ледяные хребты и снежные вершины Белухи. Еще так недавно об этом не могли даже мечтать туристы.

В палатке, рассчитанной на трех человек, было тесно. Возле банок и ящиков согнулись радисты.

Нам прочли приветственные телеграммы Крайсовпрофа, т. Н. В. Крыленко и заслуженного мастера альпинизма т. Бархаш. Потом к микрофону подошли жены альпинистов. Они волновались, говорили быстро. Где-то за хребтом шла гроза. Сильные грозовые разряды то и дело прерывали радиопередачу.

В конце транслировался концерт. Передавались новые граммофонные записи.

В сумерки мы выползли из палатки, чтобы посмотреть на Белуху. Мы любовались ею последний вечер. Гора сбросила с белых плеч облачное покрывало. В синее окно на нее смотрела полная луна. Казалось, что гора излучает голубоватый феерический свет. Складки льда напоминали темносиний шелковый узор. Над острыми пиками как бы колыхался бархатный зонт.

20 июля

Солнечные лучи смели с небосклона последние клочки тумана. Белуха, улыбаясь, провожала шумный лагерь.

Над долиной летел самолет. Он круто набирал высоту, чтобы развернуться над ледником и последний раз пройти над нами. Выше гор летчик сделал крутой вираж. Машина шла вниз. Чуть южнее нашего островка она выровнялась и пронеслась над головами альпинистов. Скляр смотрел через борт, улыбался и на прощанье махал нам рукой. От его руки отделился белый узелок и полетел вниз. Последний вымпел был сделан из носового платка. Он упал возле навьюченных лошадей.

«На аэродроме на камне четыре буханки белого хлеба», писал Скляр.

Кто-то хлопал в ладоши, обрадовавшись хлебу: за двадцать пять дней сухари всем приелись. Хлеб мы

ждали как лакомство, и благодарили заботливых летчиков.

...Опять мы едем по извивающейся тропинке. Живописные долины снова разворачиваются перед нами, бурные реки ревут на камнях, за хребтом встает хребет.

На высоком перевале мы спешиваемся. Последний раз машем руками знакомым вершинам, словно отплывающим парусникам.

Ледяные шпиль Катунского хребта покрыты голубой дымкой. В чистом небе сверкает ледяной трезубец Белухи. Вокруг нее каменные великаны в снежных плащах сторожат истоки рек. Во все стороны тянутся высокие хребты, покрытые густой щетиной хвойного леса.

БЕЛУХА ПОКОРЕНА

Пятого июля 1936 года из Новосибирска отправилась группа альпинистов на штурм западной вершины Белухи. Группу возглавлял А. Ф. Гетье. В нее вошли участники первой альпиниады Белов, Билевич, Корзун, Лебедев, Печерских, Герус из Москвы и Ленинграда приехали инструкторы Изергина и Тимашев.

Из поселка Иня альпинисты, в целях тренировки, пошли пешком. Минувшая зима на Алтае была особенно многоснежной. Толстым слоем снега были покрыты даже те долины, в которых его обычно никогда не бывает. В июне Катунь во многих местах вышла из берегов и затопила посевы и селения. Из Ойрот-Туры в сторону Бийска можно было проехать только на лодке. В начале июля летний паводок пошел на убыль, но на хребтах лежало еще очень много снега. По обе стороны Катунь стояли белые вершины, а в 1935 году на них не было ни одного снежного пятна. Альпинисты учитывали особенную трудность восхождения, связанную с тем, что на склонах западной вершины они встретятся с толстым слоем мягкого снега, который на крутых склонах очень опасен,— под тяжестью человека он ползет вниз и грозит лавинами.

Реки были еще настолько глубоки, что пришлось пойти по самой длинной, но самой легкой тропе, через Мультинский перевал (2400 метров над уровнем моря) к Тайменьему озеру и дальше в долину Третьей Становой. Один из альпинистов поставил перед собой цель—доказать возможность пеших переправ через все реки, встречающиеся по пути к Белухе. К нему присоединилось несколько человек. Через глубокие реки они переходили, держась друг за друга, до самого ледника Геблера.

22 июля альпинисты прибыли к Белухе и разбили лагерь на камнях у горки Геблера. Отсюда западная вершина видна лучше, чем с того острова, на котором стоял лагерь нашей альпиниады.

На счастье, выдалось несколько теплых дней, чередовавшихся с холодными ночами. Мягкий снег на высоких склонах превратился в отличный фирн, прекрасно выдерживающий человека.

Гетье (он опять был здесь) опасался только плохой погоды, которая могла сорвать восхождение. Поэтому было решено забросить на седло продуктов дней на десять, чтобы иметь возможность переждать там непогоду. С этой целью было сделано два восхождения на седло. При этом был найден более легкий путь на Раздельный гребень. Перейдя на снежники западного склона гребня, альпинисты двинулись не к скалам, а вдоль по склону к перемычке, и там поднялись к лабиринту трещин. Скалы были засыпаны снегом, и это облегчило восхождение. Но и в малоснежный год новый путь будет значительно легче.

Вся вершина Раздельного гребня, где мы ночевали в прошлом году, оказалась под сугробами снега. На месте лабиринта трещин, через которые мы переходили по тонким мостикам, теперь было ровное снежное поле. Остались не засыпанными снегом только самые широкие расщелины. Это значительно облегчило восхождение.

На седле альпинисты поставили палатки недалеко от Ак-Кемского обрыва и восточного склона западной вершины. Через километр от них расположилась лагерь группа харьковских альпинистов, собравшихся штурмовать восточную вершину. Вскоре горы начали «дымиться». Казалось, во всех долинах и ущельях Алтая вдруг запылали костры. Лишь кое-где были видны отдельные скалы и вершины. Часа через два серые тучи легли на седло. Начался буран. Как ни старались альпинисты плотно закрывать дверки палаток Шустера снег все-таки проникал внутрь и таял в спальных мешках. Вскоре ватные спальные мешки стали влажными.

Утро. Первый проснувшийся «подал голос». Отозвались в одной палатке, в другой, в третьей.

А как же чувствуют себя харьковцы?

Условились и по счету «раз, два, три» крикнули десять глоток:

— Ого-го-го!..

Издали девять глоток дружно ответили:

— О-о-о!..

Крыши палаток провисли. Пришлось вылезать и сбрасывать снег.

В палатках зашипели примусы. Душно. С потолка падали капли воды. А дверки открыть было нельзя ни на одну минуту — погаснет примус, и ветер накидает полную палатку снега.

Сутки. Вторые. Буран попрежнему бушевал между двумя высокими гребнями. Все лежали в мокрых мешках. В углублениях около ног — лужи воды от растаявшего снега.

Инструкторы находились в несколько лучшем положении, — у них собственные пуховые мешки. Правда, и пуховые мешки стали влажными, но все же в них было гораздо теплее и суше, чем в ватных.

В одной палатке запели «По долинам и по взгорьям». Во второй подхватили. Проснулись остальные, запел весь лагерь. Издали донеслась песня харьковцев.

Все живы. Все бодры.

Третьи сутки.

— Как себя чувствуете? — спросил Гетье.

— Хорошо, Александр Федорович, — ответили из другой палатки.

На четвертый день буран начал постепенно утихать. Вечер. Возле палаток — голоса. Пришли харьковцы.

— Скажите, где наш лагерь? — спросил один из них. У них почти не осталось продуктов, поэтому они минувшим утром, невзирая на непогоду, вышли на штурм восточной вершины. Они, как и самодеятельные группы 1935 года, решили подниматься прямо с седла на вершину. Склон оказался не круче того, по которому поднимались участники альпиниады, только путь по льду здесь был длиннее. Зато скальный гребень с двумя «жандармами» остался в стороне. До самой вершины харьковцы шли на «кошках».

Спустившись на седло, они потеряли свой лагерь.

Долго бродили по снежному полю, пока не увидели полузасыпанные снегом палатки «западников».

Но вот буран окончился. 27 июля десять человек вышли на штурм вершины. Узкая полоса между обрывом к Ак-Кемскому леднику и восточным склоном, где в 1935 году мы видели чистый лед, теперь была покрыта прекрасным фирном. По снегу прошли на «кошках» более двухсот метров вверх. Дальше — лед. Стали рубить ступеньки. Вбили крючья длиною в семьдесят пять сантиметров. Подвесили веревку. Так, на двойном охранении, прошли еще метров двести.

Вот и вершина. Вся она покрыта огромной толщей снега. Скальные выступы видны на западном склоне метров на сто ниже вершины. Тура сложить не из чего. Альпинисты вбили в снег стальной крюк, но это знак весьма ненадежный: первый же буран или засыплет его или обнажит до основания и сбросит вниз. Единственным свидетельством о восхождении остаются фотоснимки. Альпинисты засняли весь свой путь до вершины.

Вершина оказалась настолько острой, что на ней едва поместились десять человек. Высотомер показал 4 550 метров. После более точной обработки барометрического рейса в лаборатории эта цифра будет, очевидно, снижена метров на пятьдесят. Наконец-то разрешен столетний спор: западная вершина ниже восточной.

На севере, западе и юге, на месте хребтов и гор — облачное море. Восточная вершина также закуталась в серую вату облаков. Только одна западная вершина возвышалась крошечным островком. На нем — десять человек. Им надо было спешить вниз, пока не начался новый буран, но они пристально смотрели на восток. Им хотелось увидеть восточную вершину, на которой они были в прошлом году.

Вот ветер колыхнул тучи. Обнажилась восточная вершина. На мгновение показался горизонт. Пик уходил в небо. Еще одно доказательство того, что восточная вершина выше западной. Прошло две минуты, и тучи снова обвилились вокруг восточного пика.

Альпинисты пошли вниз. В нескольких десятках метров от вершины они вбили в снег окованный сталью деревянный кол и к нему привязали длинную веревку.

Надежное охранение. Держась за веревку, они быстро спустились по ледяной полосе. Казавшийся неприступным, западный пик покорен.

Через несколько дней по следам первых победителей поднялись семь казахстанских альпинистов. Тем же путем взойшла ленинградская группа Ларина. Среди них были две женщины.

В 1936 году на западной вершине Белухи побывало 23 человека, в том числе 3 женщины.

Белуха покорена. Но вокруг нее — целая свита безыменных вершин высотой более 4 тысяч метров, на которые еще никто не восходил. Особенно интересны районы реки Ак-Кем, реки Кочурлы и левых притоков Аргута. Горы ждут отважных исследователей — альпинистов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От издательства	3
Катун-Баш	5
Дорога богатыря	17
Через хребты и реки	30
У подножия горы	53
Рассказ разведчиков	60
Самолеты в горах	66
Снежный поход	83
На вершине	111
Неприступный лик	121
В плену у непогоды	127
Белуха покорена	134

Редактор *М. ТЮРИН*
Технический редактор
Г. ОСВАЛЬД
Корректор *И. КУДАШЕВ*

Переплет худ. *Б. ШВАРЦА*

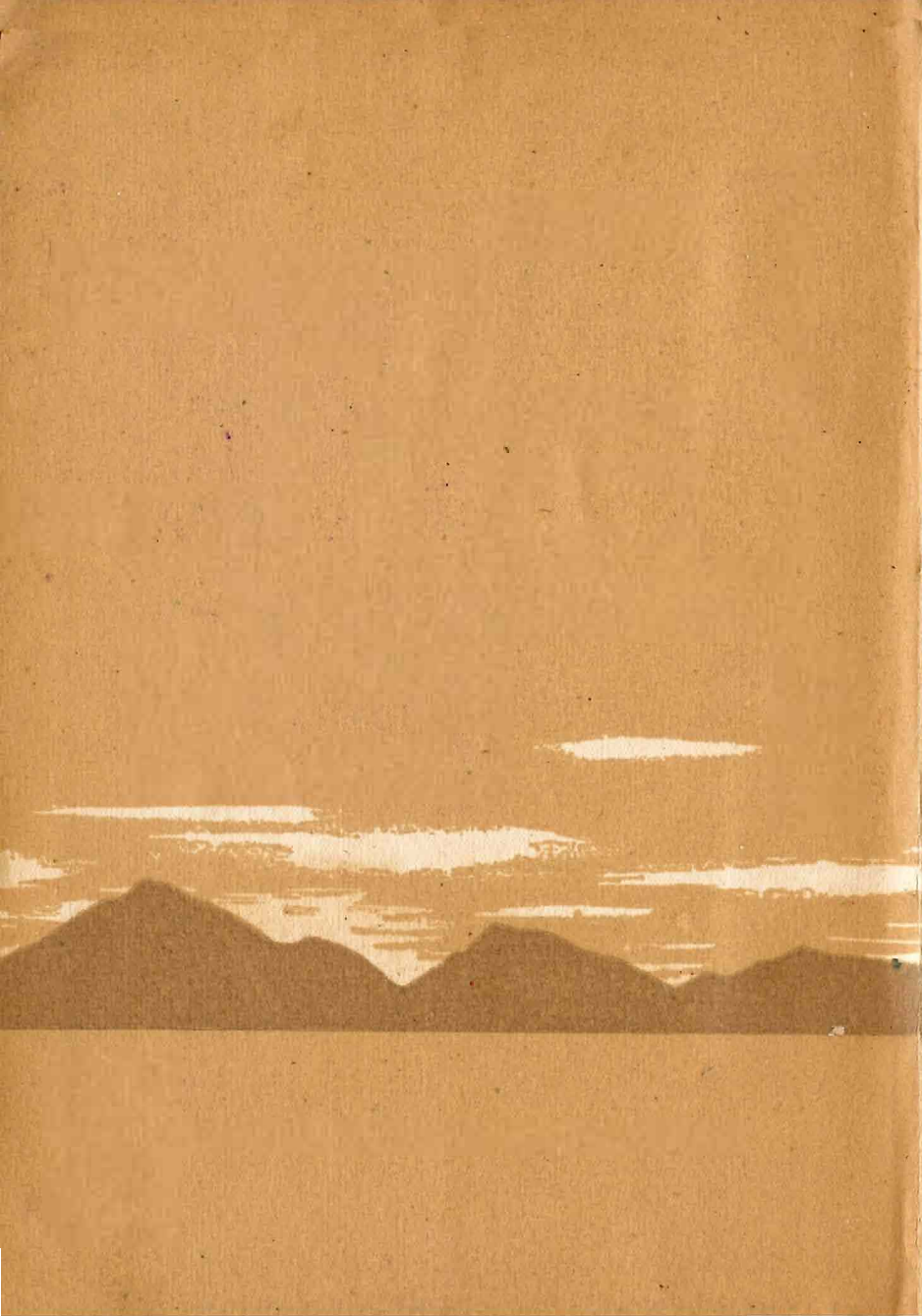
Сдано в производство 28/I 1937 г.
Подписано к печати 9/III 1937 г.
М. Г. 454. Инд. Ю-8. Формат бум.
82×110¹/₂ 9³/₄ печ. л. 5,95 уч. авт. л.
Уполномоченный Главлита Б—12901.
Тираж 10 000. Нар. № 2030.

Фабрика юношеской книги шд-ва
ЦК ВЛКСМ „Молодая Гвардия“,
ул. Фр. Энгельса, 46

Цена 1 р. 75 к.
Переплет 75 к.

2 р. 50 к.